

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

Переселеніе Парсовъ въ Индію

И

мусульманскій міръ въ половинѣ VIII вѣка.

I.

О переселеніи Парсовъ въ Индію мы имѣемъ извѣстія въ Киссе-и-Санджѣнъ (قصۀ سنجان), «Повѣствованіи о Санджѣнѣ», историческомъ памятникѣ парсійской литературы¹⁾. Сочиненіе это, впрочемъ, не можетъ считаться историческимъ памятникомъ парсійской письменности въ точномъ смыслѣ этого слова: по формѣ оно вполнѣ примыкаетъ къ обычному типу парсійскаго поэтическаго творчества (оно написано стихами), содержаніемъ-же своимъ обязано, несомнѣнно, почти исключительно устному преданію парсійской общины. Содержащіяся въ немъ историческія данныя были въ недавнее время подробно разобраны ученымъ парсомъ Д. Д. Моді²⁾. Нужно отмѣтить, что Киссе-и-Санджѣнъ написано весьма поздно—на рубежѣ XVI—XVII в. нашего лѣтосчисленія (древнѣйшая рукопись его, извѣстная Д. Д. Моді, относится къ концу XVII в.) и авторъ его, Бахманъ-бенъ-Кейкобадъ-бенъ-Хормаздїръ, неоднократно указываетъ, что основываетъ свои повѣствованія на древнихъ преданіяхъ (напр. ز گفتار بزرگان خود شنیدم, نگه کردم طریق راستانرا, ز گفتارشان, ز گفتارشان حکایت باز گویم, مرا کاین قصه بنمودست دستور. и т. д.). Согласно этимъ преданіямъ древнѣйшая исторія переселенія представляется въ слѣдующемъ видѣ.

1) См. мои Сасанидскіе Этюды, 1909, 6.

2) Jivanji Jamsedji Modi, A few events in the early history of the Parsis and their dates, Bombay, 1903, для интересующаго насъ вопроса спец. 1—9. Г. Моді, о. с. 9, п. 2, доказываетъ ошибочность датировки, принятой, между прочимъ, и въ Grundriss der iranischen Philologie (цѣтуется далѣе GIPh), II, 698. Датировка эта имѣетъ, вѣроятно, отношеніе къ сказанію о доставленіи въ Индію изъ Персіи копій Фарвардїнъ-Япта (GIPh, II, 16, ann. 3).

Когда послѣдній представитель Сасанидской династїи шахъ Іездегердъ лишился власти (چو از شه بزدگر شاهي برفته), всѣ преданные вѣрѣ Зороастра (بهدينان و دستوران), міряне и духовные (هر آنکو داشت دل بر زند و پازند), покинули свои жилища. Сто лѣтъ прожили они въ Кухистанѣ (بکوهستان هي), а затѣмъ вслѣдствіе страха передъ иновѣрцами перешли въ Хурмузъ (در آن کشور), въ области котораго (بسوی شهر هرمز شد روانه), провели пятнадцать лѣтъ; по истеченіи этого срока (چو سال آمد ده و پنج), они, вслѣдствіе притѣсненій со стороны иновѣрцевъ, сѣли вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на корабли и, переправившись моремъ, высадились въ Діу (ديب). И здѣсь, однако, они не оставались долго — руководясь астрологическими предсказаніями, они черезъ девятнадцать лѣтъ (در آن بودند بهدين), высадились на материкъ Индіи, на Гуджератскій полуостровъ (نوزده سال), и поселились въ Санджѣнѣ (سجانب). Черезъ нѣсколько времени они соорудили здѣсь храмъ огня. Дальѣйшее изложеніе въ Киссе-и-Санджѣнъ повѣствуетъ о судьбахъ парсійской общины въ Индіи.

Приведенныя извѣстія даютъ матеріалы двоякаго рода—хронологическіе и географическіе. Д. Моді останавливается исключительно на матеріалахъ перваго рода, и, пользуясь ими, опредѣляетъ время переселенія. Онъ отмѣчаетъ четыре даты: 1) переселеніе въ Кухистанъ и пребываніе тамъ сто лѣтъ, 2) переходъ оттуда въ Ормузъ и пребываніе тамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, 3) переселеніе въ Индію; въ Діу, и пребываніе тамъ девятнадцать лѣтъ, 4) переходъ на материкъ, на Гуджератскій полуостровъ, и поселеніе въ Санджѣнѣ. Считая прекращеніемъ власти Іездегерда его смерть, Д. Моді и начинаетъ свой расчетъ съ этой даты, при чемъ самое событіе онъ относитъ къ 651 г. по Р. Х. — съ этого времени Парсы и поселяются въ Кухистанѣ. Чтобы получить дату выхода изъ этой области въ Ормузъ надо прибавить сто лѣтъ— $651+100=751$ г. по Р. Х. Съ этого времени они пятнадцать лѣтъ живутъ въ Ормузѣ — $751+15=766$ г. по Р. Х. Этимъ годомъ датируется ихъ переселеніе въ Индію. Въ Діу они пребываютъ девятнадцать лѣтъ — $766+19=785$ г. по Р. Х., годъ ихъ поселенія въ Санджѣнѣ. Эти даты получаются Д. Моді при расчетѣ времени свыше полутора ста лѣтъ по парсійскому солнечному календарю.

Указанныя хронологическія вычисленія вызываютъ на рядъ соображеній. Прежде всего отмѣтимъ, что исходный пунктъ вычисленія принятъ Д. Моді вполне правильно. Прекращеніемъ власти Іездегерда несомнѣнно долженъ считаться годъ его смерти, такъ какъ фактически власть, хотя-бы номинальная, послѣдняго Сасанида не считалась низвергнутой до самой его кончины, несмотря на рядъ пораженій, нанесенныхъ его войскамъ арабами.

Это признается и арабскими писателями, которые сообщают, что лишь съ его смертью прекратилось существованіе персидскаго государства и съ этого времени персы вели свое лѣтосчисленіе; такъ, напр., Дйнавері, при разсказѣ объ убійствѣ Іездегерда, говоритъ: «Это случилось въ 6 г. халифата Османа, т. е. въ 30 г. Хиджры; тогда-то и было прекращеніе самостоятельнаго существованія персидскаго государства и до сего дня персы ведутъ отъ этого событія свое лѣтосчисленіе»¹⁾. Согласно извѣстію Табарі Іездегердъ былъ погребенъ въ Истахрѣ въ началѣ 31 г. Х.²⁾ Событіе это надо относить къ 651 г. по Р. Х. и отъ этой даты вести хронологическій расчетъ³⁾.

Хронологія въ Киссе-и-Санджяѣ тѣсно связана съ сообщаемыми имъ географическими матеріалами. Сто лѣтъ пребываютъ Парсы въ Кухистанѣ. Этотъ географическій терминъ имѣетъ весьма неопредѣленный характеръ и означаетъ вообще «гористую мѣстность»; такъ и понимали это слово Д. Моді и пишущій эти строки ранѣе. Кромѣ того, этимъ именемъ обозначается значительное число различныхъ горныхъ мѣстностей Ирана. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, мы можемъ искать эту мѣстность въ опредѣленной территоріи. Въ исторической географіи Персіи наибольшей извѣстностью пользуется это названіе какъ обозначеніе для южной части Хорасана, прилегающей къ сѣверо-восточнымъ округамъ Кермана. Область эта отличалась и отличается малодоступностью и пустынностью, но въ ней было значительное количество горныхъ замковъ, представлявшихъ хорошее убѣжище; въ ближайшей сѣверной части Кермана находилось пересѣченіе дорогъ — отъ Персидскаго залива, т. е. изъ Ормуза, и изъ Индіи⁴⁾. Необходимо также принять во вниманіе и историко-этнографическія данныя. Въ ближайшемъ направленіи къ юго-западу отъ Хорасанскаго Кухистана, въ Керманѣ, на пути въ Ормузь, находились горы Бәризъ, населенныя воинственными горцами того-же названія, которые въ теченіе всего господства Омайядской династіи оставались *огнепоклонниками*, припяли исламъ лишь

1) Kitāb-al-aḥbār-aṭ-ṭiwāl, ed. W. Girgas, 149.

2) Annales, I, 2872 (погребенъ, не убитъ, какъ у J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 113, анн.). Нѣкоторые арабскіе писатели даютъ дату 31 г., такъ напр. и Са'ибъ-либи, Histoire des rois des Perses, éd. H. Zotenberg, 748.

3) GIPh, II, 647. Canon Masudicus (см. E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwārizm, SBWA, phil.-hist. Cl., LXXIII, 484—5, анн., от. отг., 14—15) указываетъ, что смерть Іездегерда была эрой лѣтосчисленія и огнепоклонниковъ Трансоксіаны. Смерть Іездегерда считаетъ началомъ эры и персидскій Табарі (см. Chronique de Tabari, tr. sur la version persane par H. Zotenberg, II, 457). Объ этой, такъ наз. «парсійской эрѣ» (تاریخ السجوسی), отличающейся отъ эры Іездегерда (تاریخ یزدجردی), см. GIPh, II, 121—2.

4) В. В. Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, 1903, 93—94 и 97).

при Аббасидахъ, по окончательнo были покорены лишь Саффаридами¹⁾. Далѣе къ морю жили горцы Куфсъ или Кучъ, придерживавшіеся въ X в. *шиитства* и также, вообще говоря, враждебные исламу. Въ арабской географической литературѣ X в. мы находимъ указаніе, что они относились къ мусульманамъ хуже, чѣмъ Греки и Турки²⁾, почему и самое шиитство ихъ можно ставить въ связь съ огнепоклонничествомъ ихъ сосѣдей. Къ западу отъ этого племени находились кочевники Балұсы или Балұчи, также придерживавшіеся въ религиозномъ отношеніи шиитства³⁾ и область Ормуза⁴⁾. Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ отъ Хорасанскаго Кухистана черезъ Керманъ до Персидскаго залива, мы встрѣчаемъ въ интересующее насъ время этяическіе элементы, либо исповѣдующіе огнепоклонничество, либо примыкающіе къ нему въ своихъ вѣрованіяхъ, а въ политическомъ отношеніи враждебные халифату. Согласно тѣмъ-же арабскимъ географамъ Хорасанскій Кухистанъ составлялъ часть провинціи Пахлавъ⁵⁾, т. е. Парсїи, одного изъ древнѣйшихъ центровъ государственной традиціи Ирана.

Ормузъ, въ который по Киссе-и-Санджѣнъ, переселились Парсы изъ Кухистана, былъ въ X в. гаванью Кермана и базарнымъ мѣстомъ, складочнымъ пунктомъ доставлявшихся въ него товаровъ⁶⁾. Особенно интересно для насъ слѣдующее сообщеніе: «въ немъ (въ Ормузѣ) немного домовъ; дома-же купцовъ (находятся) въ его волости и разбросаны по деревнямъ приблизительно на два фарсаха (разстоянія)». Въ указаніи на то, что купцы Ормуза жили въ волости его, въ окрестныхъ деревняхъ, мы находимъ сходство съ сообщеніемъ Киссе-и-Санджѣнъ, по которому Парсы переселились въ «область Ормуза»⁷⁾. Торговля на Персидскомъ заливѣ въ средніе вѣка тѣсно связана съ парсїйско-индїйскими отношеніями: въ IX в. Ибн-ал-Факїхъ⁸⁾, упоминая о вывозѣ бамбука съ Никобарскихъ острововъ и Малаккаскаго полуострова, говоритъ, что мѣстности эти находятся на Востокѣ, при чемъ для означенія этой страны свѣта употребляетъ не арабское слово, а

1) Ср. В. Бартольдъ, о. с. 97, Guy Le Strange, The lands of the eastern caliphate, 1905, 316, мон Сасанидскіе Этюды, 5.

2) Bibl. Geogr. Arab. (цитируется далѣе BGA), III, 489.

3) BGA, I, 167, II, 223.

4) BGA, I, 164, II, 220.

5) ZDMG, XLIX, 631.

6) BGA, I, 166, II, 222. Ср. В. Бартольдъ, о. с. 98.

7) كَشْوَرٌ т. е. то-же, что نَوَاحِي هَرْمُوزِ у Макдисѣ, BGA, III, 471.

8) BGA, V, 16.

персидское¹⁾, что указывает на парсійскій источник — сообщенія парсійскихъ купцовъ; парсійскимъ или индійскимъ купцомъ, судя по пменп, былъ сирафскій богатъ XII в. Рамуштъ или Рамаштъ²⁾ и т. д.

Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ Киссе-и-Санджѣнъ въ его дальнѣйшемъ изложеніи: насъ интересуеетъ лишь вопросъ о переселеніи Парсовъ въ Индію и мы поэтому можемъ остановиться на томъ моментѣ, когда совершается ихъ отплытіе, завершающееся, какъ мы знаемъ, благополучнымъ прибытіемъ и поселеніемъ въ Діу. За время ихъ жизни въ Персіи послѣ мусульманскаго завоеванія мы можемъ опредѣлять по Киссе-и-Санджѣнъ два мѣстопробыванія: въ Кухистанѣ и въ Ормузѣ; въ первомъ они жили сто лѣтъ — отъ 651 г. до 751 г., во второмъ пятнадцать лѣтъ — отъ 751 г. до 766 г., когда они окончательно покинули родину. Выше мы привели соображенія, по которымъ представляется возможнымъ и вполне вѣроятнымъ отождествлять Кухистанъ въ Киссе-и-Санджѣнъ съ Кухистаномъ Хорасанскимъ; къ этому склоняетъ какъ географическое положеніе мѣстности (глухой, но хорошо защищенной), какъ политическая традиція ея (Парсія), такъ и этническая и религіозная обстановка (въ значительной степени иранское или находившееся подъ иранскимъ культурнымъ вліяніемъ населеніе, придерживавшееся долгое время шиитства или огнепоклонничества). Особенно нужно отмѣтить сосѣдство горцевъ Бѣризъ (ир. Пѣрчѣнъ), которые отъ завоеванія Персіи арабами до восшествія на престолъ Аббасидовъ оставались огнепоклонниками. Одновременно съ гибелью послѣдняго Сасанида арабы завоевали Керманъ (а также Табаристанъ)³⁾. Указываемая арабскими географами принадлежность горцевъ сѣвернаго Кермана къ огнепоклонничеству продолжается столько-же времени, сколько по Киссе-и-Санджѣнъ пребываютъ Парсы въ Кухистанѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ переселеніе этихъ послѣднихъ въ Ормузъ совпадаетъ по времени съ глубочайшимъ потрясеніемъ всего мусульманскаго міра въ половинѣ VIII в. — съ паденіемъ династіи Омайядовъ и съ переходомъ власти въ руки Аббасидовъ. Хотя послѣдній Омайядскій халифъ Марвѣнъ былъ убитъ въ Египтѣ въ 750 г., тѣмъ не менѣе всѣ лица, принадлежавшія къ династіи и прочіе сторонники ея были уничтожены лишь

1) Не *المشرق*, а *خراسان*, см. мою статью *Arabisch-persische Miscellen zur Bedeutung der Himmelsgegenden*, WZKM, XXV, 91—98 (для означенія «Сѣвера» мы имѣемъ слово *Адарбадакѣнъ* также и у *Ибн-Хурдѣдбега*, BGA, VI, текстъ 118, пер. 90).

2) Ср. В. Бартольдъ, о. с. 108; кромѣ указаній на это лицо, данныхъ De Goeje при изданіи *Ибн-Хаукаля*, BGA, II, 198, an. i, см. еще *Ибн-ал-Аспръ*, *Chronicon*, ed. C. Tornberg, XI, 43.

3) Wellhausen, о. с. 101 и 113.

къ осени 751 г.⁴⁾ Особенно важно слѣдующее обстоятельство: *отъ прекращенія національной персидской династїи Сасанидовъ до вступленія на престолъ и окончательнаго утвержденія власти халифовъ Аббасидской династїи проходитъ сто лѣтъ солнечнаго календаря.*

Въ заключеніе приведенныхъ соображеній позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на Киссе-и-Санджѣнъ, какъ историческомъ источникѣ. Выше мы уже указывали, что сочиненіе это весьма поздняго происхожденія и основано почти исключительно на устномъ преданїи. Однако, какъ видно изъ вышеизложеннаго, его разсказъ находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ другихъ источникахъ; кромѣ того, имѣетъ значеніе характеръ устнаго преданія и той среды, въ которой это преданіе сохранялось. Какъ извѣстно, индійскіе Парсы имѣютъ довольно опредѣленно выраженный типъ религіозной и торговой общины изъ сравнительно небольшого количества представителей, но съ ясно выраженными и тщательно сохраняемыми племенными и культурными особенностями—обстоятельство, благопріятствующее неприкосновенному сохраненію исторической традиціи. Когда Киссе-и-Санджѣнъ разсказываетъ, что послѣ смерти Іездегерда преданные вѣрѣ Зороастра покинули свои жилища, мы должны имѣть въ виду привязанныхъ къ парсїйской религіи и Сасанидской династїи персовъ, бѣжавшихъ въ глухія и наименѣе доступныя мѣстности Ирана, чтобы сохранить свою религіозную и культурную самостоятельность во время разгрома государства. Авторъ Киссе-и-Санджѣнъ особенно отмѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать вслѣдствіе общихъ культурныхъ условій и характера преданія, свой главный источникъ («со словъ мубедовъ»). Въ сосѣдствѣ съ оставшимися вѣрными прежней религіи горцами, Парсы остаются въ Кухистанѣ до новаго потрясенія, вызваннаго паденіемъ Омайядовъ и ожидавшагося ими. Мотивомъ ихъ переселенія въ Ормузь авторъ Киссе-и-Санджѣнъ выставляетъ страхъ передъ мусульманами. Весьма вѣроятно, что съ этимъ связывались и нѣкоторыя ожиданія, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, что и побуждало ихъ сосредоточиться въ Ормузѣ, морской гавани и болѣе близкомъ пунктѣ къ главному мѣсту историческихъ событій — къ Ираку. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что Кухистанскіе Парсы въ теченіе ста лѣтъ пребыванія на путяхъ индійской торговли, имѣли значительные интересы, которымъ угрожали новыя потрясенія государства. Этотъ весьма вѣроятный скрытый поводъ обращаетъ насъ ко второй отличительной чертѣ современной парсїйской общины и объясняетъ отчасти выборъ ихъ сборнаго пункта—Ормузь,

4) J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 1902, 342-347.

лежащій на берегу пролива, соединяющаго Индійскій океанъ съ Персидскимъ заливомъ. Въ тѣхъ-же или сходныхъ условіяхъ жизни мы видимъ ормузскихъ купцовъ въ X в.— это весьма вѣроятно частью ихъ соплеменники и единовѣрцы, принявшіе исламъ. Несомнѣнно и ранѣе половины VIII в. персы имѣли культурныя сношенія вообще, торговля въ частности, съ прибрежными странами Индіи, но Киссе-и-Санджѣвъ рисуетъ намъ исторію торговой колоніи, впервые покинувшей навсегда родину и обосновавшейся въ новой странѣ, въ которой она возжигаетъ огонь и сооружаетъ храмъ для него—символь религіозной и національной обособленности. Таковы тѣ культурно-историческія и географическія соображенія, которыя вызываютъ насъ усматривать въ сообщаемыхъ авторомъ Киссе-и-Санджѣвъ преданіяхъ о переселеніи Парсовъ зерно исторической истины. Хронологическія данныя этого сочиненія ведутъ насъ дальше, но прежде чѣмъ вернуться къ нимъ, мы еще нѣсколько остановимся на вопросѣ о возникновеніи парсійской общины на сѣверо-западномъ побережьи Индіи.

Еще до переселенія на Гуджератскій полуостровъ той части Парсовъ, о которой рассказываетъ Киссе-и-Санджѣвъ, въ Индіи несомнѣнно было значительное количество персидскихъ выходцевъ. Въ до-мусульманскую эпоху персидскіе маги основали въ Индіи храмъ солнцу¹⁾. Незадолго до появленія ислама Іемень былъ, какъ извѣстно, завоеванъ Сасанидами. Въ юго-восточной Аравіи значительное количество населенія состояло изъ исповѣдовавшихъ религію Зороастра²⁾; изъ этой области, тѣсно связанной географически съ побережьемъ Индіи, могла выходить съ давнихъ поръ эмиграція морскимъ путемъ. Мусульманскія литературы не сохранили, сколько знаемъ, указаній на одновременное значительное переселеніе Парсовъ въ Индію, а «въ случаѣ массоваго выселенія исходъ Парсовъ оставилъ-бы слѣдъ въ арабской литературѣ»³⁾. При условіяхъ арабскаго завоеванія переселенія и выселенія должны были начаться съ самаго-же начала. Весьма интересное въ этомъ отношеніи сообщеніе мы имѣемъ у Балāзурі⁴⁾. Рассказывая о завоеваніи Кермана въ половинѣ VII в., онъ говоритъ: «бѣжало много обитателей Кермана; одни отплыли на корабляхъ въ море, другіе направились въ Мекранъ, третьи въ Седжестанъ». Отплывшіе на корабляхъ

1) См. ЗВО, XVIII, 186.

2) Балāзурі въ *Liber expugnationis regionum*, ed. M. J. De Goeje, 77— «аналогъ въ пользу бѣднѣхъ съ мусульманъ и поголовная подать съ огнепоклонниковъ». Ср. еще напр. Ибн-Русте, BGA, VII, 205—206.

3) См. Сасанидскіе Этюды, 6.

4) О. с. 392.

могли отправиться только въ Индію, такъ какъ Аравія несомнѣнно не представляла въ это время надежнаго убѣжища. Мекранъ былъ уже полуиндійской областью и достигшему береговъ Инда не представлялось труда проплыть на западное побережье. Наконецъ, Седжестанъ былъ пограничной областью на Востокъ; съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находился Хорасанскій Кухистанъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ указаніе на переселеніе Парсовъ въ Индію до той даты, которую даетъ Киссе-и-Санджѣвъ. Однако, приведенное извѣстіе не можетъ быть рассматриваемо какъ указаніе на массовое выселеніе; многіе обитатели Кермана покинули родину, но они разошлись въ разныя стороны и, кромѣ того, мы знаемъ, что мѣстность эта не была совершенно оставлена огнепоклонническимъ населеніемъ. Дальнѣйшее выселеніе и путь къ Ормузу былъ подготовленъ этимъ населеніемъ, расположеннымъ на территоріи отъ Кухистана до Персидскаго залива. Парсійская колонія въ Гуджератѣ могла конечно поддерживаться позднѣйшими выселенцами. Въ сельджукидскую эпоху, въ XI—XII в., предмѣстье города Джируфта въ Керманѣ было, по словамъ Мухаммеда-ибн-Ибрѣхима¹⁾, мѣстопробываніемъ индійскихъ и малоазіатскихъ торговыхъ гостей, сухопутныхъ и морскихъ путешественниковъ, странствующихъ купцовъ и товаровъ изъ Китая, Индостана, Абиссиніи, Занзибара, Малой Азіи и различныхъ мусульманскихъ странъ. Это оживленное торговое общеніе могло вызывать частичныя выселенія по главнѣйшимъ торговымъ путямъ: Гуджератъ лежалъ на одномъ изъ такихъ путей.

II.

Возвращаемся къ хронологическимъ даннымъ. Выше мы уже отмѣтили, что выселеніе парсійской общины въ Ормузъ совпадаетъ по разсказу Киссе-и-Санджѣвъ съ переходомъ халифата къ Аббасидамъ и что между смертью Іездегерда и возникновеніемъ Аббасидскаго халифата проходитъ сто лѣтъ солнечнаго календаря. Последнее обстоятельство весьма важно для выясненія двухъ вопросовъ по исторіи халифата, возбуждавшихъ вниманіе предшествующихъ изслѣдователей, но до сихъ поръ не рѣшенныхъ: 1) прозванія послѣдняго Омайяда Марвѣна «осломъ» (الحمار) и 2) наименованія начала каждаго столѣтія «годомъ осла» (سنة الحمار), наименованія, съ кото-

1) Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, éd. par M. Th. Houtsma, I, 49 и 83. См. GIPh, II, 12—13 и 80—81.

рымъ тѣсно связано упомянутое нами важнѣйшее событіе въ исторіи ислама въ первые вѣка его существованія, именно замѣна Омайядскаго халифата Аббасидскимъ. Эти вопросы затронуты въ послѣднее время Велльхаузенномъ¹⁾, Мжикомъ²⁾, Барбье-де-Менаромъ³⁾, В. В. Бартольдомъ⁴⁾. Остановимся сначала на первомъ вопросѣ.

Странное прозвище, данное послѣднему Омайяду Марвāну II, съ достоинствомъ и честью старавшемуся спасти потерянное дѣло династіи⁵⁾, вызвало различныя толкованія арабскихъ писателей и писавшихъ объ этой эпохѣ европейскихъ ученыхъ. За исключеніемъ приведеннаго Велльхаузеномъ мнѣнія сирийскихъ хроникъ, согласно которому Марвāнъ былъ прозванъ такъ потому, что любилъ піоны⁶⁾ (называвшіяся «ослиными розами»), приводятся два толкованія. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что слово «осель» должно было означать энергію и упорство, съ которыми Марвāнъ сопротивлялся своимъ врагамъ (такое толкованіе указано, между прочимъ, въ Исторіи Ислама А. Мюллера и принято Барбье-де-Менаромъ⁷⁾). Другое толкованіе состоитъ въ томъ, что онъ былъ прозванъ такъ по году «осла», такъ какъ при немъ приблизился срокъ столѣтія династіи Омайядовъ, а у арабовъ такимъ выраженіемъ означалось начало каждаго столѣтія. Уже Мжикъ обратилъ вниманіе на то, что «осель» въ мусульманскихъ литературахъ не можетъ считаться ласкательнымъ словомъ (несмотря на существованіе поговорки «терпѣливѣе осла»); слово это употребляется иногда въ арабскомъ языкѣ въ бранномъ значеніи⁸⁾. Въ подтвержденіе этому мы можемъ привести изъ

1) J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 231 и 315—6.

2) WZKM, XX, 310 сл.

3) A. C. Barbier de Meynard, Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe, 1907, 74—75.

4) ЗВО, XVII, 0140 сл.

5) Напр. въ IX в. (у Ибн-ал-Факїха, о. с. 315, яко-бы со словъ Абū-Мухаммеда-ибн-Муслима-ибн-Кутайбы), этотъ халифъ имѣлъ слѣдующую одобрительную характеристику: хорасавцы побѣдили Омайяда «самаго старшаго по возрасту, самаго мудраго, самаго стойкаго, самаго знаменитаго въ организаціи войска, самаго умнаго въ управленіи государствомъ». О его сохранившейся до нашего времени гробницѣ и почитаніи ея см. А. Kamal, Voucir et Marwan II, Bulletin de l'Institut Egyptien, IV série, № 5, 1905, 85—93.

6) Въ арабскомъ *ورد الحمير*, *ورد الحمار*. Ср. у Бируніи, E. Sachau, Chronologie der orientalischen Völker, 297, Chronology of ancient nations, 293. Въ арабскомъ фольклорѣ имѣются не дающія объясненія этого вопроса суевѣрія, связывающія ослиный крикъ съ устраненіемъ эпидеміи (см. напр. SBWA, phil.-hist. Cl., VI, 439 и WZKM, XVII, 301—302).

7) Изъ такого толкованія объяснялось прозваніе сасанидскаго шаха Бахрāmī-Гура—см. ZDMG, XXXIV, 735.

8) См. уже въ Коранѣ, 62, 5 (ср. 31, 18), а также H. L. Fleischer, Kleinere Schriften, II, 1, 109—111, F. Hommel, Die Namen der Säugetiere bei den südsemitischen Völkern, 1879, 117 сл. (на стр. 118 прихѣръ изъ Хамісы у бедуиновъ), M. Grünbaum, Gesammelte Aufsätze zur Sprach- und Sagenkunde, 1901, 284 и 377—379. Искусственное объясненіе поговорки

арабской литературы указание, что это слово употреблялось как бранное именно по отношению къ Марвāну. Древнѣйшее, изъ пока указанныхъ, толкованіе этого слова въ смыслѣ энергіи и упорства принадлежитъ Са'алибѣ, писателю X—XI в.; цитата, на которую ссылаемся мы, взята изъ писателя IX в. Дйнаверѣ. Рассказывая (стр. 360) о выступленіи сторонниковъ извѣстнаго аббасидскаго эмиссара Абӯ-Муслима въ Хорасанѣ, т. е. о началѣ аббасидскаго движенія (129 г. Х. = 747 г. по Р. Х.), Дйнаверѣ говоритъ: «выступили они верхомъ на лошадяхъ и ослахъ, а также пѣшими; кричали они на слово и поцукали ихъ: ну, ну, ну, Марвāнъ! называя ихъ такъ въ поношеніе Марвāну-ибн-Мухаммеду»¹⁾. Итакъ, мы можемъ видѣть, что кличка эта была дана въ бранномъ смыслѣ²⁾. Тѣмъ не менѣе, нельзя отдѣлять этотъ смыслъ отъ второго толкованія, отъ связи его съ «годомъ осла». Существованіе подобнаго рода названія и связанныхъ съ нимъ вѣрованій подтверждается не только Са'алибѣ и послѣдующими писателями, но также и болѣе ранними арабскими извѣстіями, а равно косвенно и китайскимъ источникомъ, на который обратилъ вниманіе В. В. Бартольдъ, именно дошедшимъ въ китайской энциклопедіи начала XI в. письмомъ самаркандскаго владѣтеля Гүрека. На этой сторонѣ вопроса мы должны остановиться нѣсколько дольше.

Обращаетъ вниманіе нѣкоторое различіе въ толкованіи времени истеченія столѣтія. Уже выяснено, что отнесеніе прозвища Марвāна къ столѣтію Омайядской династіи не соответствуетъ точнымъ историческимъ даннымъ — въ годъ смерти Марвāна прошелъ со времени основанія династіи 91 годъ (самое большее 97 лѣтъ, если считать съ года смерти Османа)³⁾. Съ другой стороны, письмо Гүрека, написанное въ 100 г. Хиджры (718—719 г. по Р. Х.), указываетъ именно на этотъ годъ, какъ на время прекращенія арабскаго господства. Такимъ образомъ, мы видимъ смѣшеніе, основанное на вычисленіи мусульманскаго календаря — въ одномъ случаѣ, столѣтіе прилагается къ господству Омайядовъ, что фактически не точно,

اكثر من جار, «болѣе невѣрующій, чѣмъ оселъ», мы имѣемъ еще у Ибн-Кутейбы, *Handbuch der Geschichte*, herausgeg. von F. Wüstenfeld, 804. Ср. прозваніе «ослами» всѣхъ непосланныхъ въ тайны ученія въ исмаилитизмъ — R. Dozy, *Essai sur l'histoire de l'islamisme* 1879, 262.

1) У E. G. Browne, *A literary history of Persia*, I, 1902, 244, фраза эта переведена неправильно — because Marwān was surnamed the Ass.

2) *ترغیما لروان بن محمد*. Изъ близкаго къ этому времени см. напр. у Табарѣ, II, 1455 (104 г. Х.) и 1572 (116 г. Х.).

3) Такъ у вышеупомянутаго Са'алибѣ, *Laṭā'if-al-ma'ārif*, ed. P. De Jong, 30—*قارب سنة* ملك بنی امیة مائة سنة, а также и раньше его, напр. у Хамзы Исфаханскаго, *Annalius libri decem*, ed. I. M. E. Gottwaldt, I, 217, *عبروا (بنو امیة) قريبا من مائة سنة*.

въ другомъ — къ столѣтнюю ислама, что ошибочно, ибо въ 100 г. Хиджры Омайядская династія благополучно управляла халифатомъ, а Марвāнъ II былъ убитъ лишь черезъ 32 года и къ столѣтнюю Хиджры еще не управлялъ халифатомъ¹⁾. Въ первомъ случаѣ мы не имѣемъ полныхъ ста лѣтъ, во второмъ—прозвище Марвāна остается необъясненнымъ, а оно ставится арабскими авторами въ связь съ истеченіемъ столѣтія. Однако, ожиданія, передаваемые въ письмѣ Гурека и связанные съ сотымъ годомъ Хиджры, подтверждаются арабскими извѣстіями. Согласно этимъ послѣднимъ къ этому году относилось начало аббасидской пропаганды.

По Дйнаверѣ (стр. 334—335²⁾), въ 101 г. Х. (719—720 по Р. Х.) въ сирійское мѣстечко Хумайму, мѣстопребываніе аббасида Мухаммеда-ибн-‘Алі-пбн-‘Абдуллаха, явились представители шиитовъ съ просьбой принять ихъ присягу, ибо наступили «такое время и такой моментъ его, который мы находимъ въ преданіяхъ, передаваемыхъ вашими учеными»³⁾, на что имамъ отвѣтствовалъ имъ: «это моментъ нашихъ ожиданій и надеждъ, ибо прошло сто лѣтъ лѣтосчисления, а всегда по истеченіи ста лѣтъ общины Богъ обнаруживаетъ истину праведныхъ и уничтожаетъ зло дурныхъ»⁴⁾; ссылаясь даѣе на 261 стихъ II суры Корана, имамъ послалъ ихъ вести скрытую пропаганду. Въ данномъ случаѣ Мухаммедъ-ибн-‘Алі повторилъ то, что по Я‘күбѣ⁵⁾ сказалъ ему за четыре года передъ тѣмъ (97 г. Х., 715—716 г. по Р. Х.) ‘Абдуллахъ-ибн-Мухаммедъ, внукъ халифа ‘Алі, передавая свои права. Именно, когда онъ завѣщалъ ему начать пропаганду въ «годъ осла» и Мухаммедъ-ибн-‘Алі спрашивалъ его — что такое «годъ осла», онъ отвѣчалъ — «по истеченіи ста лѣтъ обязательно свершается пророчество»⁶⁾ и затѣмъ, сославшись на 261 стихъ II суры, завѣщалъ ему по-

1) По поводу столѣтія Хиджры отиѣчу существованіе преданій, по которымъ въ концѣ каждаго столѣтія Хиджры долженъ явиться возстановитель ислама; таковымъ по истеченіи перваго вѣка былъ Омайядскій халифъ Омаръ-ибн-‘Абд-ал-‘Азізъ, по истеченіи второго — имамъ аш-Шāfi‘ī — см. D. В. Macdonald, Development of muslim theology, jurisprudence and constitutional theory, 1903, 104. Но и здѣсь въ отношеніи перваго столѣтія имѣютъ значеніе персы: предшественнику Омара, халифу Сулеймāну (96—99 г. Х., 715—717 г. по Р. Х.) приписывается изреченіе, по которому персы правили безъ арабовъ тысячу лѣтъ, тогда какъ арабы не могли обойтись въ этомъ отношеніи безъ персовъ и ста лѣтъ — см. ZDMG, XLVI, 763, anm. 1 и GIPh, II, 555.

2) Ср. Browne, о. с. 236, а также Wellhausen, о. с. 315 по Табарію.

3) هذا الوقت ذلك و اوانه الذي وجدناه مأثورا عن علمائكم.

4) هذا اوان ما نؤمل ونرجو من ذلك لانقضاء مائة سنة من التاريخ فانه لم تنقض مائة سنة على امة قط الا اظهر الله حق الحقين و ابطل باطل المطلقين.

5) Ibn Wādhīh qui dicitur al-Ja‘qubī Historiae, ed. M. Th. Houtsma, II, 357; ср. В. Бартольдъ, о. с. 0145.

6) لم يمض مائة من نبوة قط الا انقضت امورها.

слать по истеченіи столѣтія эмиссаровъ для пропаганды. Историческая достовѣрность разсказа, разумѣется, весьма сомнительна, но для насъ интересно, что въ немъ, такъ-же какъ и въ извѣстіи Дйнавері, ясно выражаются какія-то особыя ожиданія, связанныя съ наступленіемъ столѣтія эры. Загадочно выраженное у Я'күбї, предвѣщаніе это формулируется опредѣленнѣе у Дйнавері. Стихъ Корана объ Эздрѣ и его ослѣ¹⁾ привлеченъ несомнѣнно для доказательства достовѣрности предвѣщанія.

Основаніемъ какъ самаго пророчества, такъ и цитаты Корана, служили несомнѣнно тѣ преданія, на которыя ссылаются представители шиитовъ и которыя исходили изъ среды потомковъ 'Аббаса, славившихся своей ученостью и авторитетомъ въ религиозныхъ вопросахъ; что это подтверждается другими данными, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Преданія эти въ письменной формѣ могутъ быть возведены, какъ то уже догадывался Велльхаузенъ, къ такъ называемымъ «книгамъ предвѣщаній» (кутубъ-ал-малāхимъ), пророческимъ сочиненіямъ полемико-политическаго содержанія. Дѣйствительно, при самомъ началѣ аббасидской пропаганды въ Хорасанѣ, вмѣстѣ съ эмиссарами и вѣщими знаменіями въ сновидѣніяхъ (все это время окутано въ исторической традиціи, какъ извѣстно, идеями таинственности и мессіанизма), появляется стремленіе изучать эти пророческія книги²⁾. Къ подобнымъ-же книгамъ относилось и пророческое сочиненіе о судьбахъ аббасидскаго рода, «Китāбъ-ад-даула»³⁾. Итакъ, мы видимъ, что съ сотымъ годомъ Хиджры дѣйствительно связывались какія-то эсхатологическія ожиданія, исходяція изъ аббасидской традиціи—таковы указанія арабскихъ источниковъ; отраженіемъ традиціи является и письмо Гүрека. По этимъ даннымъ мы можемъ опредѣлить, что въ указанное время на всемъ пространствѣ мусульманской Азіи, отъ Сиріи до восточнаго Ирапа, началась уже дѣятельная, но скрытая аббасидская пропаганда. Остается, однако, неяснымъ: 1) откуда происходитъ названіе начала столѣтія «годомъ осла» и что общаго между этимъ животнымъ съ одной стороны и хронологическимъ опредѣленіемъ и эсхатологическими чаяніями съ другой; 2) въ какомъ отношеніи къ

1) Объ отнесеніи этого стиха къ Эздрѣ и его ослу у мусульманскихъ писателей см. еще A. Geiger, Was hat Muhammed aus dem Judenthume aufgenommen², 1902, 192. См. также Th. P. Hughes, A dictionary of Islam, 1895, 114 и ср. 431—2.

2) Я'күбї, II, 392. Ср. G. Van Vloten, Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le khalifat des Omayyades, Verh. der koninkl. Akad. van Wetensch. te Amsterdam, Afd. Letterkunde, I, № 3, 57.

3) Wellhausen, о. с. 347, анм. 1. Въ эту же книгу входили кочевно и сказанія о появленіи Хāшмита, примѣръ которыхъ см. напр. у псевдо-Балхї, Le livre de la création et de l'histoire, publ. et tr. par Cl. Huart, II (Publ. de l'école des langues orientales vivantes, IV série, 17), текстъ 174—6, пер. 156—7.

этой датѣ находится настойчиво съ ней связываемое прозвище Марвѣна. Для того, чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, необходимо рассмотреть ту историческую среду, въ которой складывались вышеупомянутыя эсхатологическія ожиданія.

Согласно съ аббасидской пропагандой дѣйствовали, какъ извѣстно, и алиды, а за ними потянулись самыя разнообразныя шитскія секты, къ которымъ примыкали въ Ирапѣ многочисленныя этническія и религіозныя элементы чисто-персидскаго происхожденія — зороастрійцы, маздакиты, различныя дуалистическія толки. Послѣдніе были особенно привязаны къ Абӯ-Муслиму, дѣятельная пропаганда котораго въ Хорасанѣ дала по существу власть Аббасидамъ. Несомнѣнно, что всѣ эти элементы дѣйствовали тайкомъ подъ руководствомъ аббасидскихъ эмиссаровъ, знакомыхъ съ ихъ стремленіями и мечтаніями. Отмѣчаемъ, что въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ эсхатологическихъ предвѣщаніяхъ въ исламѣ, мы должны также имѣть въ виду и древне-персидскія вѣрованія, которыя, создавъ грандіозное ученіе о космологическихъ и историческихъ періодахъ смѣняющихся тысячелѣтій, должны были оказывать сильнѣйшее вліяніе на идеи мессіанизма и сходныя съ ними представленія. Съ I в. Хиджры появляются апокрифическія пророческія книги относительно грядущихъ судебъ ислама и мусульманскаго государства¹⁾, имѣющія также отношеніе къ далекому прошлому Персіи. Позже число подобныхъ книгъ еще увеличивается²⁾. Для насъ въ настоящемъ случаѣ основное значеніе имѣетъ самая идея и ея представленіе. Согласно мусульманскому преданію³⁾, восходящему къ подобнаго рода книгамъ, воскрешаемый осель Эздры связывается при объясненіи 261 стиха II суры съ плѣненіемъ иудеевъ вавилонскимъ повелителемъ Навуходоносоромъ и освобожденіемъ ихъ персидскимъ шахомъ⁴⁾, при чемъ исчезновеніе пророка продолжается *сто лѣтъ*⁵⁾. Преданіе въ такой формѣ знаменуетъ

1) См. Van-Vloten, о. с. 56 и M. Steinschneider, Apocalypsen mit polemischer Tendenz, ZDMG, XXVIII, 627—660. Ср. F. Macler, L'apocalypse arabe de Daniel, Revue de l'histoire des religions, XLIX, 265—306. Более раннее изслѣдованіе А. в. Gutschmid, Kleine Schriften, II, 204—288—Zur Apocalypse des Esra.

2) Интересно опять таки отмѣтить соотношеніе съ сасанидской традиціей — псевдо-Балхї (текстъ 165, пер. 150) рассказываетъ, что въ сокровищницѣ полководца Іездегерда Хурмузѣна арабы нашли арабскую книгу, съ предсказаніями относительно всего, что свершится до страшнаго суда.

3) См. напр. Даміпрї, كتاب حياة الحيوان, I, Каиръ, 1313 г. X., 210—21 и пер. А. S. G. Jaukar, I, 1906, 546—558.

4) Называемымъ توشك т. е. Anbāk-gavān, Anūshirvānъ, что связываетъ рассказъ съ сасанидской традиціей, — ср. мон Сасанидскіе Этюды, 104.

5) Преданіе возводится черезъ Ибн-Исхāка къ Вахбу-ибн-Мунаббиху, одному изъ главныхъ источниковъ древне-арабскихъ историковъ для до-мусульманской эпохи, предста-

собою вмѣстѣ съ тѣмъ и апогеозъ персидскаго государства. Съ другой стороны, мы думаемъ, что имя Эздры и освобожденіе изъ вавилонскаго плѣненія имѣютъ самое близкое отношеніе также и къ шітскимъ ученіямъ. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, Велльхаузеномъ была выставлена теорія, по которой прежнее мнѣніе о тѣсной связи возникновенія шітства и иранскихъ вѣрованій считается ошибочнымъ; шітство въ основѣ признается возникшимъ въ арабской средѣ, лишь съ возстаніемъ Мухтара въ концѣ VII в. воспріявшимъ въ себя ясно выраженные персидскіе элементы. Основное значеніе для рѣшенія вопроса представляетъ конечно ученіе 'Абдуллаха-ибн-Сабā, перваго, въ началѣ тридцатыхъ годовъ Хиджры, провозгласившаго основной догматъ шітства. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень ограниченное количество свѣдѣній объ 'Абдуллахѣ-ибн-Сабā¹⁾. Преданія о немъ Велльхаузенъ считаетъ тенденціознымъ объясненіемъ возникновенія внутренняго разлада въ исламѣ — человѣкъ еврейскаго происхожденія ('Абдуллаху-ибн-Сабā приписывалось еврейское происхожденіе) основалъ яко-бы древнѣйшую секту, а способъ распространенія ученія при помощи эмиссаровъ, практиковавшійся Аббасидами, тотъ-же авторъ признаетъ не существовавшимъ въ древнѣйшую эпоху ислама, при господствѣ арабскаго племеннаго государства²⁾. Фактическое подтвержденіе этому Велльхаузенъ усматриваетъ въ томъ, что первые упоминаемые Сабāиты были арабы и даже Мухтаръ былъ окруженъ арабской, преимущественно іеменской средой³⁾, — 'Абдуллахъ-ибн-Сабā былъ по преданію происхожденіемъ изъ Іемена (по другому преданію — изъ Хяры)⁴⁾. Мнѣніе Велльхаузена принято и поддерживается И. Гольдцѣромъ⁵⁾. Отмѣтимъ, однако, что появленіе этого лица съ его впроученіемъ⁶⁾ относится ко времени, непосредственно слѣдующему за убіеніемъ Іездегерда — къ началу тридцатыхъ годовъ Хиджры. Іемень, изъ котораго яко-бы происходилъ 'Абдуллахъ-ибн-Сабā, находился въ непосредственномъ общеніи съ сасанидской Персіей и

внѣшнюю еврейско-персидскаго синкретизма, — см. о немъ JA, X série, IV, 331—351, для нашего вопроса 348—9.

1) См. теперь, Enzyklopaedie des Islām, I, 81 и I. Friedländer, 'Abdallāh b. Sabā, der Begründer der Ši'a, und sein jüdischer Ursprung, Zeitschr. f. Assyriol. XXIII, 1909, 296—328 и XXIV, 1910, 1—47.

2) J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 124—5.

3) J. Wellhausen, Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam, Abh. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Cl., 1901, 90 сл. Его-же, Das arabische Reich und sein Sturz, 42—43.

4) См. Friedländer, о. с. XXIII, 314 и XXIV, 22—23.

5) См. напр. I. Goldziher, Vorlesungen über den Islam, 1910, 241.

6) Являвшимся по Табарі не исламомъ, а новой религіей, какъ то указалъ Wellhausen; ср. ниже слова Ахиеда-ибн-Абū-Тāхира о хорасанскомъ исламѣ.

религіей Зороастра, — примѣръ этому мы привели выше. Мѣсто, занимаемое въ этомъ вѣрученіи 'Алі, какъ извѣстно, ясно выражаетъ идеи мессіанизма. Въ связи съ этими идеями находится отождествленіе 'Алі съ «земнымъ звѣремъ», извѣстнымъ въ мусульманской эсхатологіи и подробно описываемымъ: «звѣрь этотъ косматый, въ перьяхъ, пестрый, съ четырьмя ногами, съ головой быка, съ ушами слона, съ рогами оленя, съ шеей страуса, съ грудью льва, съ ногами верблюда, съ Моисеевымъ жезломъ и Соломоновой печатью»¹⁾. Въ выраженіи «ѣдущій на ослѣ» усматривалось указаніе на мессіаническое значеніе Мухаммеда²⁾.

Обращаясь въ интересующемъ насъ вопросѣ къ иранской міеологіи, мы встрѣчаемся съ весьма дѣльными указаніями. Мы находимъ въ этой міеологіи баснословное животное, именуемое «осломъ». Въ Авестѣ (семиглавая Ясна) оно встрѣчается лишь одинъ разъ: «осель, стоящій посреди моря Воурукаша»³⁾. Въ Мійнохиредѣ (LXII, 26—7)⁴⁾ онъ именуется «трехногимъ», пребывающимъ въ морѣ Варкашъ и очищающимъ падающую на него дождевую воду. Подробное-же описаніе этого созданія мы находимъ въ Бундахишѣ (XIX, 1—13)⁵⁾. Онъ также именуется «трехногимъ», стоящимъ среди безбрежнаго моря; у него шесть глазъ, девять ртовъ, два уха, одинъ рогъ; два его глаза расположены тамъ, гдѣ и слѣдуетъ быть глазамъ, два другихъ глаза на макушкѣ головы, два третьихъ на горбу; острымъ взглядомъ этихъ глазъ онъ побѣждаетъ и разрушаетъ; у него три рта на головѣ, три — на горбу, три — на бокахъ; каждый ротъ величиной съ домъ; самъ онъ величиной съ гору Альвандъ (пазендскія рукописи читаютъ Хунавандъ); громадныхъ размѣровъ и ноги его; двумя ушами онъ можетъ обхватить Мазандеранъ; своимъ рогомъ онъ побѣждаетъ и уничтожаетъ вредныя дѣянія дурныхъ существъ; когда онъ погрузитъ свою шею по уши въ море, вся вода придетъ въ волненіе, а гора Ганавандъ сотрется въ основаніи; его пребываніе очищаетъ воду; съ его помощью собираетъ воду звѣзда Тиштаръ (ав. Тиштрия, перс. названіе Сиріуса, которая, какъ врагъ демона сухости, *тучей* собираетъ воду и крупными каплями посылаетъ ее на землю — см. Бундахишъ, VII, 11)⁶⁾.

Этотъ весьма сложный міеологическій образъ представляетъ до сего

1) *آبئة الأرض*. Псевдо-Балхї, о. с. II, текстъ 198—203, пер. 173—6. Ср. Hughes, о. с. 64 и I. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, II, 1890, 113.

2) Бпрўвн, о. с. текстъ 12, пер. 22.

3) W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, 1882, 361 и GIPh, II, 645.

4) E. West, *Pahlavi texts*, III, 111.

5) West, *Pahlavi texts*, I, 67—9.

6) West, *Pahlavi texts*, I, 28.

времени затрудненія для изслѣдователей. Наиболѣе вѣроятнымъ является объясненіе Дармстетера¹⁾, выдающаго въ немъ метеорологическій мифъ — олицетвореніе тучъ и бури. Объясненіе это находитъ подтвержденіе въ арабскихъ источникахъ.

Въ виду того, что иранская мифологія относитъ пребываніе этого мифическаго существа къ морю Воурукаша, которое обыкновенно отождествляется съ Каспійскимъ моремъ, мы должны обратить вниманіе на извѣстія арабскихъ писателей объ этомъ морѣ, называемомъ ими, какъ извѣстно, Хазарскимъ, Джурджанскимъ, Табаристанскимъ. Дѣйствительно, мы находимъ у Ибн-ал-Факіха²⁾ слѣдующій рассказъ, который цитруется имъ яко-бы изъ персидскихъ источниковъ³⁾.

Когда сасанидскій шахъ Ануширванъ овладѣлъ Каспійскими воротами (Дербендъ) и провелъ заграждавшую ихъ стѣну и молъ въ море⁴⁾, онъ восхвалилъ Бога, предрекашаго ему проведеніе стѣны и покореніе врага, и помолившись о возвращеніи на родину, легъ отдыхать. Тогда поднялся изъ моря водяной смерчъ, закрывшій весь горизонтъ, а съ нимъ туча, скрывшая свѣтъ, и направился къ стѣнѣ. Бывшіе съ шахомъ вознамѣрились метаньемъ стрѣлъ отстранить несчастье, но пробужденный Ануширванъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что по Божьему велѣнію онъ долженъ былъ отсутствовать изъ своей страны въ теченіе двѣнадцати лѣтъ съ тѣмъ, чтобы провести эту стѣну и завладѣть однимъ изъ обитателей моря. Тогда подошелъ смерчъ, поднялся надъ моломъ и объявилъ шаху, что онъ, обитатель этого моря, видѣлъ какъ семь разъ сооружалась эта стѣна и какъ она семь разъ разрушалась, но всѣ обитатели этого моря знаютъ, что властитель, подобный Ануширвану, проведетъ эту стѣну навсегда. Затѣмъ смерчъ скрылся въ морѣ.

Несмотря на мусульманскую окраску преданія, мы можемъ легко усмотрѣть, что оно сообщаетъ черты, весьма близкія къ рассказу о мифическомъ ослѣ въ Бундахишѣ и подтверждаетъ сближеніе Дармстетера.

1) J. Darmestet, Ormazd et Ahriman, 1877, 148.

2) О. с. 289. То-же преданіе записалъ нѣсколько позже Байхакі, Kitāb-al-maḥāsīn va-l-maʿāwī, hrsg. von F. Schwally, 133—6 (ср. мои Сасанидскіе Этюды, 37). Въ GIPh, II, 645, при упоминаніи объ этомъ существѣ замѣчается, что возможно правильное освѣщеніе его у Казвиніи, но при этомъ не указывается про какое именно сочиненіе Казвиніи идетъ рѣчь. По всей вѣроятности имѣется въ виду то мѣсто 'Аджаибъ-ал-махлаукātъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Текстъ Ибн-ал-Факіха исправилъ и добавляетъ къ слову السدъ слово الغند, что еще болѣе сближаетъ преданіе, рассказываемое далѣе, съ данными Бундахиша.

3) من اخبار الفرس.

4) الغند = перс. بند, плотина, застава, см. Glossarium при изданіи текста, XL. Историческія извѣстія объ этомъ см. напр. GIPh, II, 535.

Кромѣ моря Воурукаша, Бундахишъ упоминаетъ и нѣкоторыя другія мѣстности, позволяющія отождествить мѣстопробываніе этого существа съ Каспійскимъ моремъ. Альвандъ не должно отождествлять съ современной горой Эльвендъ, близъ Хамадана (какъ то думалъ Уэстъ), а съ персидскимъ словомъ *бендъ* «плотина», «застава», упомянутымъ у Ибн-ал-Факіха; это толкованіе подтверждается чтеніемъ пазендскихъ рукописей Бундахиша—Хунавандъ, «Гуаскія ворота, Гунская застава», каковымъ именемъ издавна обозначалась мѣстность, называвшаяся арабами Бабъ-ал-абвѣбъ, персами—Дербендъ. Далѣе упоминается Мазандерапъ. Гора Гунавидъ означаетъ Хорасанскія горы (см. Бундахишъ, XII, 34)¹⁾; съ ними связывается почитаніе находившагося въ Хорасанѣ священнаго огня Бурзгнъ-Михръ, покровителя земледѣльческаго класса²⁾ и по формѣ это слово есть арабское множественное отъ перс. *кумбедъ*, «куполъ», «куполообразная постройка»— мѣстность и селеніе съ такимъ именемъ извѣстны изъ арабской географической литературы³⁾. Приведенныя соображенія даютъ полное основаніе локализовать преданіе—водяной смерчъ, вызывающій бурю и ненастье на Каспійскомъ морѣ, сопровождается по Бундахишу метеорологическими явленіями, отражающимися на окрестныхъ горныхъ хребтахъ. Онъ появляется по Ибн-ал-Факіху вмѣстѣ съ сопровождающей въ Бундахишѣ звѣзду Сириусъ тучей. По арабской версіи преданія, онъ отождествляется съ однимъ изъ обитателей моря. Уничтожая по парсійскому преданію вредныя дѣянія дурныхъ существъ, онъ подчиненъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитому шаху Сасанидской династіи, покровительствовавшей зороастризму. Отмѣтимъ, наконецъ, что съ этимъ явленіемъ и его олицетвореніемъ связываются въ преданномъ преданіи предвѣщанія и эсхатологическія ожиданія.

Изъ контекста Казвйвѣ⁴⁾, при разсказѣ его о животныхъ Каспійскаго моря, надо заключить, что онъ отождествляетъ это явленіе и его олицетвореніе съ морскимъ дракономъ, гидрой, который, какъ объясняетъ Казвйвѣ, по мнѣнію однихъ—морской ураганъ, несущій тучи и тьму и рождающійся

1) West, 41.

2) Ср. мои разысканія въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1911, Мартъ, 298.

3) C. Barbier de Meynard, Dictionnaire géographique de la Perse, Paris, 1861, 165—6. Такое объясненіе представляется мнѣ болѣе правильнымъ, чѣмъ толкованіе Darmesteter'a, о. с. 138. Характерно, что Бундахишъ называетъ въ этомъ мѣстѣ такимъ именемъ Хорасанскія горы—по Шахнамъ, въ битвѣ Кей-Хосроя съ Туранцами, Иранцы располагаются на горѣ Рейбедъ (رئبد), т. е. Ривандъ (رئوند), гдѣ былъ священный огонь, а Туранцы на горѣ Гумбедъ (گنبد); такимъ образомъ, это—иранская мѣстность, заявляя враждебными силами. О словѣ گنبد см. Th. Nöldeke, Persische Studien, II, 41.

4) Zakarija Ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, herausgeg. von F. Wüstenfeld, I, 129.

на двѣ моря, а по мнѣнію другихъ — животное, живущее на морскомъ двѣ и имѣющее видъ большого чернаго змія. Особенно-же интересна для насъ слѣдующая фраза его — *«подобныя вещи рассказываютъ со словъ Ибн-‘Аббаса»*; вслѣдъ за этими словами слѣдуетъ преданіе объ Авуширванѣ и смерчѣ, безъ ссылки на персидскія преданія. Эта фраза имѣетъ особое значеніе для интересующаго насъ вопроса. Двоюродный братъ Мухаммеда, ‘Абдуллахъ-ибн-‘Аббасъ былъ дѣдомъ начавшаго, по вышеприведенному преданію, въ 100 г. Хиджры аббасидскую пропаганду Мухаммеда-ибн-‘Алі, отца первыхъ аббасидскихъ халифовъ Саффаха и Мансура. Какъ извѣстно, этотъ Ибн-‘Аббасъ пользовался славой одного изъ лучшихъ знатоковъ мусульманскихъ преданій, извѣстнаго, однако, цѣлымъ рядомъ въ высшей степени сомнительныхъ и странныхъ толкованій Корана¹⁾. При внѣшнемъ примиреніи съ Омайядами, онъ несомнѣнно не забывалъ интересы своего рода, что должно было отразиться и въ его дѣятельности какъ мусульманскаго богослова. По крайней мѣрѣ таковымъ онъ представлялся его потомкамъ, которые шли сходнымъ путемъ. Аббасидское преданіе склонно приписывать вышеупомянутому Мухаммеду-ибн-‘Алі даръ предвѣщанія²⁾. Казвїні, при разсказѣ о водяномъ смерчѣ Каспійскаго моря, отождествляемъ нами съ мифическимъ осломъ иранскаго преданія, указываетъ источникъ, изъ котораго онъ, весьма вѣроятно, почерпнулъ свое повѣствованіе — слова Ибн-‘Аббаса, къ которому возводится, между прочимъ, и преданіе объ Эдрѣ и его ослѣ³⁾, а этотъ источникъ приводитъ къ преданіямъ аббасидскихъ ученыхъ⁴⁾, на которыя сослались шїтскіе представители⁵⁾ Мухаммеду-ибн-‘Алі по Дїпаверїи, и къ «году осла» въ завѣщанїи алида ‘Абдуллаха-ибн-Мухаммеда тому-же Мухаммеду-ибн-‘Алі по Я‘кўбї. Сказаніе о водяномъ смерчѣ и пророческомъ значенїи «года осла» должно было играть значительную роль въ книгахъ о судьбахъ Аббасидовъ, въ Китабъ-ад-даула, имѣющей большое значеніе въ половинѣ VIII в. по Р. Х.

Составленіе Бундахиша относится къ эпохѣ, послѣдующей мусульманскому завоеванію; нѣкоторыя частности позволяютъ возвести его къ концу

1) См. напр. А. Мюллеръ, Исторія Ислама, 1895, II, 125 и *Enzyklopaedie des Islām*, I, 20—21.

2) Я‘кўбї, о. с. II, 412.

3) См. напр. Дамїрї, о. с. текстъ. 212, пер. 552.

4) Связь интересовъ Ибн-‘Аббаса и Вахба-ибн-Мунаббиха обнаруживается изъ приписываемаго первому отзыва о Вахбѣ, какъ о «мудрѣйшемъ изъ людей» — см. Ибн-ал-Факїхъ, о. с. 34.

5) Характерно, что преданіе представляетъ Ибн-‘Аббаса заступникомъ за ‘Абдуллаха-ибн-Сабї передъ ‘Алі — см. *Freidländer*, о. с. XXIII, 312.

IX и къ X в. Такимъ образомъ, интересующія насъ событія въ половинѣ VIII в. предшествуютъ его составленію и мы склонны усматривать въ той же главѣ Бундахиша, описывающей мионческое животное, косвенное указаніе на эти событія. Обращаемъ вниманіе на фразу: «когда онъ погрузитъ свою шею по уши въ море, вся вода въ этомъ безбрежномъ морѣ придетъ въ волненіе и Хорасанскій хребетъ сотрясется въ основаніи». Упомянутіе Хорасана, очага аббасидской пропаганды, въ связи съ упомянутымъ выше отношеніемъ мива къ «году осла», вызываетъ мысль объ отраженіи въ Бундахишѣ событий исторіи ислама въ половинѣ VIII в. Эти соображенія не нарушаютъ, однако, древности самаго мифологическаго образа: какъ уже сказано, онъ извѣстенъ Авестѣ. Новѣйшія парсійскія преданія, описывая рожденіе Александра Великаго отъ Аримана, явившагося въ видѣ *оухря*, даютъ указаніе на живучесть переноснаго значенія этого представленія въ сказаніи о переворотѣ, отдавшемъ ахеменидскую Персію Грекамъ¹⁾. Быть можетъ, косвенное указаніе на связанныя съ мионческимъ существомъ воззрѣнія мы можемъ усматривать въ толкованіи Балāзуріи²⁾ прозвища Йеменскаго пророка Асвад-ал-‘Ансѣ, выступившаго еще при жизни Мухаммеда, — «владыкой осла», при чемъ можно видѣть тутъ сознательную игру словъ — по другому преданію онъ назывался «владыкой покрывала», такъ какъ ходилъ постоянно закутаннымъ въ покрывало; *ḥimāg*, «оселъ», и *ḥi-ṣāg*, «покрывало», различаются въ арабскомъ языкѣ лишь болѣе мягкимъ или болѣе твердымъ произношеніемъ начальнаго *h*³⁾.

Не оставаясь въ интересующемъ насъ вопросѣ на возникновеніи самаго мифологическаго представленія и ограничиваясь опредѣленными историческими рамками, мы можемъ на основаніи предшествующихъ соображеній придти къ слѣдующимъ выводамъ. Названіе «годъ осла» возникло въ связи съ иранскими мифологическими представленіями, рисовавшими въ видѣ мионческаго осла, обитавшаго въ морскихъ пучинахъ, бурю и ураганъ; въ переносномъ смыслѣ это представленіе означало волненіе, совокупность бурныхъ и рѣшающихъ событий, коренныя перемѣны религіозныхъ, политическихъ и социальныхъ условій, вообще переворотъ. Отсюда — «ослинымъ годомъ» назывался годъ переворота. Это обозначеніе вмѣстѣ съ мифологическимъ преданіемъ связываетъ иранскія вѣрованія съ тайными ученіями родовыхъ сказаній Аббасидовъ. Подобнаго рода понятіе естественно

1) См. J. Darmesteter, *Essais orientaux*, 1888, 246.

2) О. с. 105.

3) Объ Асвадѣ см. J. Wellhausen, *Reste arabischen Heidentums*², 1897, 135 и *Skizzen und Vorarbeiten*, VI, 31.

примѣнялось къ опредѣленнымъ хронологическимъ датамъ — таковыми по самому характеру эсхатологическихъ чаяній несомнѣнно являлись столѣтнія годовщины великихъ событій.

Черный цвѣтъ, отличительный цвѣтъ аббасидскаго движенія, а впоследствии и династія¹⁾, былъ впервые принять, въ Мервѣ. Арабскіе писатели, сообщающіе объ этомъ, отмѣчаютъ *Мервъ, какъ городъ, въ которомъ и былъ убитъ послѣдній сасанидскій шахъ Издегердъ, и возникло аббасидское движеніе*²⁾. Сопоставленіе, не лишнее значенія для интересующаго насъ вопроса: преданіе аббасидскаго времени, упоминая Мервъ, говоритъ, что *въ этомъ городѣ молился Эзра*³⁾. Шіитское преданіе даетъ такъ называемому «скрытому существованію» т. е. *исчезновенію и вторичному появленію Эзры срокъ въ сто лѣтъ*⁴⁾.

III.

Дополненіемъ къ приведеннымъ соображеніямъ можетъ служить одинъ, до сего времени, сколько знаемъ, не объясненный археологическій памятникъ. Интересующая насъ историческая эпоха, раннее время исторіи ислама, весьма не богата художественными памятниками, иллюстрирующими былую жизнь, тѣ-же памятники, которые дошли до насъ, датируются даже не опредѣленнымъ столѣтіемъ, а рядомъ вѣковъ, и, по большей части, не даютъ намъ возможности связать ихъ съ опредѣленными историческими явленіями или точно выраженнымъ ихъ содержаніемъ. Тѣмъ интереснѣ всякій памятникъ, который открываетъ намъ эту возможность. Обращаемъ вниманіе на серебряную чашу, дошедшую до насъ среди значительнаго числа подобныхъ ей памятниковъ изъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Европейской Россіи, именно изъ починка Верхне-Березовскаго Пермскаго уѣзда

1) Объ этомъ цвѣтѣ см. Van-Vloten, 63—65.

2) BGA, I, 262 и II, 316. Для самаго факта ср. Табарі, II, 1575.

3) Ибн-ал-Факіхъ, о. с. 316, Макдисі, о. с., 298 (со ссылкой на Ибн-Аббаса).

4) I. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie, II, LXVI, ann. 1. Подготовлявшаяся аббасидское движеніе сказывается въ титулахъ, дававшихся повелителями Китая въ концѣ первой половины VIII в. среднеазиатскимъ владѣльцамъ — «любящій переворотъ» или «принимающій переворотъ» (таковы титулы владѣльцевъ Ферганы и Шайша, см. E. Chavannes, Documents sur les Toukiue Occidentaux, 1903, 295, ср. вообще 290—298), а также въ единственныхъ засвидѣтельствованныхъ исторіей сношеніяхъ табаристанскихъ испехбедовъ съ китайскимъ дворомъ, происходившихъ именно въ это время: въ 744 г. испехбедъ получилъ титулъ «уважающаго переворотъ», а въ 746 — «придерживающагося хорошей вѣры» (т. е. вѣры Зороастра).

той-же губерніи, сохраняющуюся въ коллекціи Теплоуховыхъ и изданную въ Атласѣ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія¹⁾. Не вдаваясь въ подробное стилистическое и техническое изслѣдованіе этого памятника, рассмотримъ исключительно его содержаніе.

Въ серединѣ чаши, въ кругѣ, мы видимъ изображеніе странной фигуры: она обращена въ правую сторону и одѣта въ куртку или короткій кафтанъ; на ногахъ штаны и сапоги; на шеѣ круглый воротникъ; куртка перепоясана. При человѣческой фигурѣ, голова этого существа имѣетъ сходство съ головой осла; она изображена въ профиль, такъ что видно одно ухо, но надъ головой поднимается рогъ; подъ подбородкомъ означена небольшая бородка въ родѣ козлиной. Надъ затылкомъ развѣваются двѣ ленты. Въ правой рукѣ фигура держитъ, повидимому, опрокинутый внизъ сосудъ съ высокою, острой крышкой; въ лѣвой — копье съ двумя развѣвающимися около его острія лентами.

Несомнѣнна связь этой фигуры съ парсизмомъ — развѣвающіяся за головой ленты являются необходимой принадлежностью въ изображеніяхъ сасанидскаго искусства. Такія-же ленты прикрѣплены къ копыю. Другія частности указываютъ также на парсійскій культъ съ одной стороны, и на связь съ иранскимъ преданіемъ въ Бундахишѣ о мнѣическомъ ослѣ съ другой. Надъ головой фигуры поднимается рогъ; оружіе, копье, является той палкой, которой вооружались огнепоклонники для избѣненія вредныхъ животныхъ, особенно змѣй; наконецъ сосудъ вызываетъ мысль о переносномъ пирѣѣ *«атешахъ»*, также принадлежности парсійскаго культа.

Въ стилистическомъ отношеніи изображенная на чашѣ фигура болѣе всего походитъ на фигуру парса на серебряномъ блюдѣ, происходящемъ изъ тѣхъ-же мѣстъ и хранящемся въ Кабинетѣ Древностей Парижской Национальной Библіотеки²⁾. Парсъ этотъ находится въ церемоніальной свитѣ богини, которую Вавлонъ³⁾ считалъ покровительницей водъ Анахитой, и также держитъ въ одной рукѣ пирей, а въ другой оружіе для истребленія вредныхъ созданій, оружіе въ видѣ жезла. Съ другой стороны, въ фантастическомъ рогатомъ животномъ, на которомъ ѣдетъ Анахита, мы можемъ видѣть мнѣическаго водяного осла, описываемаго въ Бундахишѣ, безразлично сравнивать-ли его по формѣ съ дикимъ осломъ, какъ г. Вавлонъ, или съ камелопардомъ, жирафомъ, какъ до него предполагалъ г. Одобеско.

1) Восточное Серебро, 1909, № 45, табл. XVIII—XIX.

2) См. Восточное Серебро, табл. XVII, 40.

3) E. Babelon, Coupe d'argent-sassanide de la déesse Anahitis, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale, III série, 1887, pl. XLIII, 167—173.

По стилю г. Баблонъ относить это блюдо къ эпохѣ крайняго вырожденія сасанидскаго искусства. Кафтанъ мясоческаго существа на чашкѣ болѣе всего напоминаетъ кафтаны на двухъ витязяхъ блюда, изданнаго въ томъ-же Атласѣ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, безотносительно къ стилю, мы не можемъ искать въ фигурѣ на серебряной чашѣ, такъ-же какъ и на вышеупомянутомъ блюдѣ, изображенія реальнаго животнаго, — достаточно вспомнить приведенное ранѣе описаніе его²⁾.

Добавимъ, что этотъ смѣшанный и потому нереальный характеръ мясоческаго животнаго доказывается и названіемъ его въ Бундахишѣ — *хербуджъ*, *хербуджъ*³⁾, что указываетъ на присутствіе рога, какъ атрибута этого существа. Намъ важно для выясненія происхожденія идеи, что арабскіе тексты даютъ совершенно опредѣленное слово — *химаръ* (*himār*), имѣющее значеніе только «осель»; это вполне согласуется съ древнѣйшимъ наименованіемъ этого существа въ Авестѣ — *хара* (*hara*), изъ чего мы можемъ заключить о ближайшихъ отношеніяхъ арабскаго представленія, выражаемаго этимъ словомъ въ отношеніи эсхатологическихъ ожиданій, къ иранскому.

Въ эпоху паденія Омайядской династіи Мазандераномъ управляли самостоятельно мѣстные правители, придерживавшіеся вѣры Зороастра. Древнѣйшій мѣстный историкъ Мухаммедъ-бенъ-Хасанъ-бенъ-Исфендіяръ, писавшій въ началѣ XIII в., даетъ приведенное нами выше объясненіе для прозвища Марвана⁴⁾: «годомъ осла» назывался арабами конецъ столѣтія (со ссылкой на осла Эздры) и послѣдній Омайядскій халифъ получилъ свое прозвище отъ того, что при немъ исполнилось столѣтіе династіи. Но при этомъ онъ приводитъ имя властителя (испехбеда), правившаго въ то время въ Мазандеранѣ и бывшаго правителемъ двѣнадцать лѣтъ; при немъ-то, прибавляетъ историкъ, и началась пропаганда Абӯ-Муслима въ Мервѣ. Властитель этотъ назывался Дад-бурз-михр⁵⁾. Съ именемъ этого испехбеда

1) Табл. XXIII, 50 (кафтаны другого типа на табл. XX, 46 и XXXVIII, 67).

2) На ободкѣ чаши находится надпись средне-персидскими письменами, разборъ которой въ толкованіи Westa'a помѣщенъ въ Jour. of Amer. Or. Soc. XXVIII, 345—9.

3) Это слово образовано, какъ то указалъ Th. Nöldeke (см. P. Horn, Grundriss der neuersischen Etymologie, 1893, 49, ср. H. Hübschmann, Persische Studien, 1895, 29) по типу гр. ὀνόστραγος.

4) E. G. Browne, An abridged translation of the history of Tabaristān, compiled by Muḥammed b. al-Ḥasan b. Isfandiār, 1905, 110.

5) داجر ميهر, см. GIPH, II, 548 и I. Marquart, Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Abh. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, N. F., III, № 2, 131.

до насъ дошло серебряное блюдо, найденное въ Вятской губерніи¹⁾. Хотя по сюжету оно не можетъ быть сопоставляемо съ интересующимъ насъ изображеніемъ, но, въ данномъ случаѣ, интересна дата: она совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, изъ котораго идутъ сказанія о «годѣ осла». Разсматривая въ общемъ обзорѣ издаваемые памятники, Я. И. Смирновъ отнесъ ту группу, въ которую онъ включалъ интересующую насъ чашу, приблизительно къ III—VII в. по Р. Х.²⁾ Мы можемъ думать, что сюжетъ изображенія этой чаши либо пользовался значительнымъ распространеніемъ еще до половины VIII в., либо явился особенно важнымъ въ это именно время. При обояхъ предположеніяхъ, мы можемъ усматривать въ этомъ памятникѣ древности иллюстрацію къ вышеприведеннымъ литературнымъ даннымъ. Съ общей точки зрѣнія добавимъ, что эти данныя весьма важны и для хронологическаго, хотя-бы приблизительнаго, опредѣленія тѣхъ памятниковъ мусульманскаго искусства, будь то металлическія издѣлія, ткани и др., на которыхъ мы встрѣчаемъ изображенія (или попытки таковыхъ) послѣдняго сасанидскаго шаха Іездегерда, а равно и для уясненія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ возводимыхъ къ мусульманской эпохѣ памятниковъ, на которыхъ находятся изображенія легендарныхъ хосроевъ³⁾.

Въ заключеніе этихъ археологическихъ соображеній обратимъ еще вниманіе на двѣ частности интересующаго насъ изображенія. Какъ мы уже указали, въ одной рукѣ фигура держитъ, повидному, переносный пирей. Намъ думается, что не напрасно она изображена держащей этотъ предметъ внизъ крышкой. Пирей заключалъ въ себѣ священнѣйшій элементъ парсизма—огонь, и мнѣйшее существо, опрокидывая его на землю, тѣмъ самымъ приводило, можетъ быть, въ исполненіе свою сверхъестественную силу—побѣждать и разрушать вредныя дѣянія дурныхъ существъ. Такимъ образомъ, и эта идея приводится въ исполненіе на изображеніи и связывается съ существеннѣйшимъ элементомъ парсизма—огнемъ. Въ другой рукѣ фигура держитъ копье, аналогичное атрибуту парса на блюдѣ съ Анахитой—палкѣ, предназначенной для избіенія злыхъ существъ. Становясь на точку зрѣнія тогдашнихъ зороастрійцевъ, это оружіе въ примѣненіи къ иновѣрцамъ не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ «уничтожителемъ невѣрныхъ». Разсказывая о

1) Атласъ, табл. XXI, 48 и текстъ 6.

2) Восточное Серебро, текстъ, 7.

3) См. Я. И. Смирновъ, Серебряное сирійское блюдо, найденное въ Пермской губерніи, 1899, 41—2. Сюда же могутъ быть возводимы и нѣкоторыя изъ изображеній (если это таковыя изображенія) пророка Данила на памятникахъ художественной промышленности, относимыхъ къ сасанидскому и мусульманскому средневѣковью.

выступленіи сторонниковъ Абū-Муслима въ Хорасанѣ, Дйнавері пишетъ ¹⁾: «поспѣшно собрались къ Абū-Муслиму люди изъ Херата, Бұшанджа, Мерверрұда, Талекана, Мерва, Нисы, Абйверда, Тұса, Нисабұра, Серахса, Балха, Сагāнйāна, Тохāристāна, Хутталāна, Кеша, Несефа; сошлись они одѣвшись въ черное и окрасивъ также въ черное половинны ихъ дубинъ, называемыхъ ими *побивающими невѣрныхъ*» ²⁾. Терминъ этотъ для обозначенія палокъ, побивающихъ невѣрныхъ, извѣстенъ и ранѣе—при возстаніи въ Куфѣ, въ началѣ послѣдней четверти VII в., Мухтāра, опиравагося какъ извѣстно на шіитскіе элементы, оружіе съ такимъ названіемъ употреблялось его приверженцами; при немъ была группа возставшихъ, которые не имѣли другого оружія, кромѣ палокъ и которые назывались «Сурхāбійя, ибо ихъ предводителемъ былъ Сурхāбъ табаристанецъ, и прозвали ихъ дубинниками, потому что они возстали съ Мухтāромъ, не имѣя другого оружія, кромѣ палокъ» ³⁾. Эту-то, «побивающую невѣрныхъ» ритуальную палку, съ прибавленнымъ къ ней наконечникомъ, мы можемъ видѣть въ оружіи мивыческаго существа вышеупомянутаго блюда.

IV.

Выше мы видѣли, что иранское мивологическое представленіе имѣло отношеніе къ мусульманской, аббасидской и алидской средѣ въ связи съ эсхатологическими ожиданіями, вызываемыми мыслями объ истеченіи столѣтія. Тѣмъ вѣроятнѣе должна была существовать подобная связь между мивомъ и ожиданіями въ собственно иранскомъ мірѣ. Быть можетъ, что отголосокъ этого факта сохранился въ одномъ преданіи, записанномъ у Табаріи и отмѣченномъ В. В. Бартольдъ ⁴⁾. Въ немъ сообщается, что послѣ пораженія, нанесеннаго войскамъ Іездгерда въ сраженіи при Джалулā, шахъ видѣлъ сонъ, въ которомъ онъ бесѣдовалъ съ Богомъ въ присутствіи Мухаммеда. Богъ сказалъ Мухаммеду, что даетъ арабамъ владычество на сто

1) О. с. 359—360.

2) Ср. Van Vloten, о. с. 67. كافرکوبات см. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 314 и 333, Browne, Literary history of Persia, I, 244, Glossarium ad Tabari, s. v., كافر و خشب. И здѣсь, конечно, могли также имѣть мѣсто другія вліянія, напр. Моисеевъ жезлъ (см. выше о «земномъ звѣрѣ»), — ср. о жезлѣ Enzyklopaedie des Islām, I, 491—2.

3) См. Хорезмі, Mafātiḥ-al-'olūm, ed. G. Van Vloten, 29. Ср. Ибн-Русте, о. с. 218 и Ибн-Кутейба, о. с. 300. Аббасидъ Мухаммедъ-ибн-'Аліи послалъ каждому изъ своихъ эмиссаровъ по жезлу, когда они стали склоняться къ ученію Хуррамитовъ (Табаріи, II, 1588 и 1640, годы 118 и 120 Хиджры).

4) ЗВО, XVII, 0146—7.

лѣтъ; затѣмъ, по просьбѣ Мухаммеда, Богъ увеличилъ срокъ въ сто десять лѣтъ; на повторную просьбу Мухаммеда, Богъ снова увеличилъ число лѣтъ и далъ арабскому владычеству сто двадцать лѣтъ; Мухаммедъ снова просилъ увеличить срокъ и Богъ выразилъ согласіе, но шахъ не могъ узнать числа лѣтъ, такъ какъ былъ разбуженъ. На этомъ и прерывается вѣщее знаменіе.

Для насъ въ этомъ разсказѣ интересна хронологія, опредѣленіе датъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что, такъ какъ преданіе это можетъ считаться имѣющимъ отношеніе къ персидскимъ кругамъ¹⁾, мы при хронологическомъ расчетѣ должны имѣть въ виду и солнечный календарь. Битва при Джалѹлѣ произошла въ 16 г. Хиджры, въ самомъ концѣ 637 или въ самомъ началѣ 638 г. по Р. Х.²⁾ Сто двадцать лѣтъ, на которыхъ прерывается сонъ Іездегерда, приходится на конецъ 757 г. или на начало 758 г. по Р. Х. Мы можемъ ставить эту дату въ связь съ преданіемъ о переселеніи Парсовъ въ Киссе-и-Санджѣнъ. Ожидаемое третье десятилѣтіе, приходящееся на срокъ отъ 757 или 758 г. до 767 или 768 г., не упомянуто; въ 766 г. по Киссе-и-Санджѣнъ Парсы отбыли изъ Ормуза въ Индію. При переводѣ на мусульманское лунное лѣтосчисленіе, по истеченіи ста двадцати лѣтъ отъ битвы при Джалѹлѣ, въ 136 г. Х., 753—4 г. по Р. Х. былъ убитъ Аббасидами Абѹ-Муслимиъ.

Отсчитывая сто лѣтъ отъ смерти Іездегерда по мусульманскому лѣтосчисленію, т. е. прибавляя сто лѣтъ къ 31 г. Хиджры, мы получаемъ 131 г. или 748—749 г. по Р. Х.—лѣтомъ 129 г. Х. или 747 г. по Р. Х. Абѹ-Муслимиъ поднялъ въ Хорасанѣ черное знамя Аббасидовъ и въ 748 г. весь Хорасанъ, центръ собственно пранскаго движенія, находился уже въ рукахъ сторонниковъ этого рода³⁾. Мы видимъ, что *передъ самымъ наступленіемъ столѣтія со времени прекращенія національной персидской династіи Сасанидовъ по лунному мусульманскому календарю, начинается открытая борьба потомковъ Аббаса съ Омайядскимъ халифатомъ и въ годовщину его Хорасанъ оказывается во власти ихъ сторонниковъ.*

Халифъ Марвѣнъ получилъ свое прозваніе отъ приверженцовъ Аббасидовъ потому, что съ нимъ наступалъ переворотъ къ новой эрѣ. Аббасиды именовали свое управленіе *ад-даула*, въ первоначальномъ значеніи

1) Ср. Бахманъ-Яштъ, West, Pahlavi texts, I, 191 сл.

2) См. напр. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 74, какъ раньше А. Мюллеръ, Исторія Ислама, I, 1895, 271.

3) Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 325—6 и 335—6.

«новая эра»¹⁾). Это прозвище и связанные съ нимъ представленія были по существу скрытымъ лозунгомъ, подготовлявшимъ эту новую эру. Воспринятый задолго до начала дѣйствій, поддерживаемый священными для всего мусульманскаго міра традиціями, связываемый съ величайшимъ событіемъ ислама, въ глубочайшей тайнѣ передаваемый устами лицъ, считавшихся авторитетами мусульманской общины—этотъ лозунгъ оказался направленнымъ, какъ «побивающій невѣрныхъ» дротикъ, черезъ головы Алдовъ, возбужденныхъ распрями арабскихъ племенныхъ вождей и разнородной толпы кліентовъ, къ послѣдователямъ вѣры Зороастра, и даже къ различнымъ отвлеченіямъ иранскаго маздеизма и дуализма. Трудно опредѣлить съ несомнѣнностью степень и силу преднамѣренности, но хронологическое сопоставленіе, комбинирующее данныя солнечнаго и луннаго календарей, даетъ лучъ свѣта. Малѣйшій намекъ на исходный пунктъ лѣтосчисленія устраняется въ позднѣйшихъ толкованіяхъ арабскихъ авторовъ аббасидской эпохи, все сводится къ арабской фразеологіи, съ объективной видимостью отыскивается объясненіе въ пословицахъ и поговоркахъ, точно опредѣляемое хронологическое противорѣчіе не останавливаетъ вниманія. А между тѣмъ, ключъ къ объясненію не ускользаетъ — преданіе продолжаетъ жить и сказываться въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ XIII в., въ 614 г. Хиджры, Хорезмшахъ 'Алі-ад-дінъ Мухаммедъ (596—619 г. Х., 1200—1220 по Р. Х.) перенесъ права имамата на потомковъ 'Алі, что было встрѣчено съ сочувствіемъ шіитскими кругами²⁾. Почти черезъ сто лѣтъ, въ 709 г. Хиджры, монгольскій ильхашъ Персіи Улчжэйту (703—716 г. Х., 1304—1316 по Р. Х.) открыто принялъ шіитство³⁾. Ханъ этотъ носитъ прозвище Хербевде, «слуга осла», значеніе котораго при вышенномъ значеніи вопроса представляется опредѣляемымъ⁴⁾.

Итакъ, рядомъ съ исходившимъ отъ Аббасидовъ призывомъ мщенія за Хусейна, направленнымъ въ мусульманскую среду, слышится смутно другой

1) Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 347. Слово это было настолько связано съ халифатомъ Аббасидовъ, что получило даже суевѣрное значеніе, такъ напр. Біруніи (о. с., текстъ 132, пер. 129) сообщаетъ, что какъ только Аббасиды стали раздавать почетныя прозвища, составленныя съ этимъ словомъ, власть ихъ погибла (таковы дѣйствительно, какъ извѣстно, прозвища Буидовъ).

2) См. А. Мюллеръ, Исторія Ислама, III, 1896, 207, въ послѣднее время — М. Van Berchem, Arabische Inschriften, Archäologische Reise im Euphrat-und Tigris-Gebiet von F. Sarre und E. Herzfeld, 41, ann. 1.

3) См. А. Мюллеръ, о. с. 277, въ послѣднее время — М. Van Berchem, Une inscription du sultan mongol Uldjaitu, Mélanges H. Degenbourg (extrait), 8, n. 1.

4) Въ связи съ этимъ стоитъ и выраженіе въ современной Персіи *سمر خور* (ар. رأس الحمار), не объясненное у E. G. Browne, A year amongst the Persians, 1893, 274—5.

призывъ, направленный къ Ирану. Этотъ призывъ находить откликъ, но «побивающее невѣрныхъ» оружіе съ такой-же быстротой направляется обратно. Съ первыхъ-же шаговъ Аббасидскаго халифата мы встрѣчаемся съ продолжительнымъ и рѣшительнымъ движеніемъ иранскихъ элементовъ — явленіе, почти совершенно не извѣстное въ исторіи Омайядовъ. Въ этомъ результатъ вышеуказаннаго лозунга. Нужно вспомнить какъ это явленіе связывается съ имѣющими общенсторическій интересъ моментами жизни аббасидскаго халифата. Вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ оно все время объединяется съ событіями и волненіями, вызываемыми столкновеніями съ Алидами, бывшими главнымъ камнемъ преткновенія на первыхъ порахъ внутренней жизни аббасидскаго государства.

Одновременно съ Абӯ-Муслимомъ, прозывавшимся, какъ извѣстно, «сахибъ-ад-даула», «пособникъ новой эры», появился въ Хорасанѣ Бехъ-Аферидъ, ученіе котораго тѣсно примыкало къ религіи Зороастра и дуалистическимъ толкамъ¹⁾. Это движеніе было подавлено самимъ-же Абӯ-Муслимомъ, но убіеніе его Аббасидами вызвало на Востокѣ Ирана сильнѣйшее движеніе. Въ Тронсоксанѣ нѣкій Исхакъ поучалъ, что Абӯ-Муслимъ посланецъ Зороастра и что Зороастръ живъ и придетъ. Но особенно важно движеніе, вызванное тогда-же въ Хорасанѣ Сумбадомъ, мечтавшимъ о возстановленіи древней персидской религіи и уничтоженіи ислама. Онъ былъ огнепоклонникъ изъ окрестностей Нишапура и завоевавъ Нишапуръ, Кумъ и Рей прозвалъ себя «испехбедъ Фирӯзъ»²⁾. Уже Дармстетеръ³⁾ указалъ интересное сообщеніе въ Сіясетъ-намъ⁴⁾, согласно которому Сумбадъ въ беседахъ съ Гебрами заявлялъ, что *арабское господство окончилось, какъ онъ читалъ въ одной сасанидской книгѣ*. Въ данномъ случаѣ, во враждебной исламу, огнепоклоннической средѣ уже не говорится о преданіяхъ ученыхъ аббасидскаго рода или объ авторитетѣ Ибн-‘Аббаса, а открыто и явно указывается на сасанидскую традицію. Интересно прозвище, которое присвоилъ себѣ Сумбадъ — Фирӯзомъ именовался сынъ Іездегерда, а титулъ «испехбедъ» — исконный иранскій титулъ. Возстаніе Сумбада относится къ 137 г. X. (754—5 г. по Р. X.). Китайскіе источники относятъ смерть Іездегерда къ

1) См. Browne, Literary History of Persia, I, 308 сл. О Бехъ-Аферидѣ см. ср. статью M. Th. Houtsma, WZKM, III, 30 сл.

2) Табарі, III, 120.

3) J. Darmesteter, Le Mahdi, 1885, 107, n. 27.

4) Nizām-oul-Mouk, Siasset-name, éd. et tr. par Ch. Schefer, Publ. de l’Ecole des langues orient. viv., III série, VII—VIII, текстъ 182—3, пер. 267; Ch. Schefer, Chrestomathie persane, I, 172 и 174.

654 г. ¹⁾, что имѣетъ отношеніе къ событіямъ, происходившимъ въ это время на крайнемъ Востокѣ Ирана ²⁾. Нѣсколько позже мы знаемъ о новомъ возстаніи въ Бадгисѣ, въ Хорасанѣ, которое по Я'күбѣ ³⁾ было связано съ присягой сыну халифа Мансүра, будущему халифу Махдї въ 147 г. Х. (764 г. по Р. Х.)—событіе это несомнѣнно имѣло большое значеніе въ мусульманскомъ мірѣ. Уже Фанъ-Флотенъ ⁴⁾, обратилъ вниманіе, что Мансүръ присягалъ аллиду Мухаммеду-ибнъ-'Абдуллаху, а многозначительное въ этомъ отношеніи прозвище «Махдї» носилъ не только третій халифъ Аббасидской династіи, но и первый, и косвенно четвертый, тогда какъ преданія о названіи «Махдї» омайядскаго халифа Омара II возникли, повиднмому, въ противобѣсъ къ тѣмъ преданіямъ, которыя ожидали «Махдї» изъ дома Мухаммеда. Хотя уже правленіе первыхъ двухъ халифовъ ознаменовывается въ преданіи астрологическими предвѣщаніями, шіитская традиція, сообщаемая Я'күбѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ объ этихъ двухъ событіяхъ (возстаніе въ Хорасанѣ и присяга Махдї), прибавляетъ, что «въ этомъ году было много падающихъ звѣздъ» ⁵⁾, указаніе, подобнаго которому мы почти не находимъ въ изложеніи этого автора относительно другихъ, не современныхъ ему событій: передача права наследованія въ потомство при жизни халифа Мансүра весьма вѣроятно вызвала опредѣленное движеніе въ алидскихъ кругахъ ⁶⁾. Въ послѣдующихъ возстаніяхъ—Муканны и Бабекъ мы можемъ также опредѣлить присутствіе несомнѣнныхъ иранскихъ элементовъ.

Хотя интересы шіитства и Зороастровой вѣры, сторонниковъ Алидовъ и національныхъ персидскихъ элементовъ, долгое время шли рука объ руку и даже отождествлялись ихъ противниками, мы видимъ, что Аббасиды ⁷⁾ сравнительно поспѣшно, хотя, какъ видно изъ предыдущаго, съ большими и по существу никогда не искорененными затрудненіями, постарались уничтожить тотъ лозунгъ, который былъ выдвинутъ во все время пропаганды. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что, когда въ IX в., по случаю провозглаше-

1) Chavannes, о. с. 172, п. 1.

2) О Фірүзѣ см. еще W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I, SBWA, phil.-hist. Cl., 1877, 141—2, отд. отд. 77—8.

3) О. с. II, 467—8.

4) G. Van Vloten, Zur Abbasidengeschichte, ZDMG, LII, 213—227, свеп. 218—223.

5) Ср. Van Vloten, о. с. 220.

6) Характерное для всей эпохи первыхъ Аббасидовъ указаніе мы, можетъ быть, можемъ усматривать въ томъ обстоятельстве, что еврейско-персидскій апокалипсисъ съ именемъ Данила (J. Darmestetet, L'apocalypse persane de Daniel, Bibl. de l'Ec. des hautes études, 73, 405—421) не упоминаетъ халифовъ отъ Мансүра до Хдї включительно.

7) Ср. общую характеристику въ противопоставленіи предшествовавшей эпохѣ у. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 347 сл.

нія халифомъ Мамуномъ наслѣдникомъ престола алида 'Алі-Ридā, въ столицѣ халифата произошелъ бунтъ, понятіе о новой эрѣ, или что тоже о государствѣ Аббасидовъ, уже отпало отъ понятія о религіи Зороастра и персидской національности. Сторонники Аббасидовъ, враждебные къ Алидамъ, говорили: «мы боимся, что погибнетъ новая эра съ нововведеніями зороастрійскаго порядка»¹⁾. Въ томъ-же столѣтіи возникновеніе Аббасидскаго халифата ставилось въ связь съ опредѣленнымъ астрологическимъ моментомъ²⁾, но именовалось «полнымъ переворотомъ въ вѣрѣ и власти»; тогда-то отошла вѣра маговъ отъ дихкановъ и они приняли исламъ во время Абу-Муслима, и была эта перемѣна (вѣры), похожей на начало (новой) религіи». Надежды, которыя возбудилъ Абу-Муслимъ у иранскаго населенія, объясняются изъ вышележеннаго: это были надежды на возстановленіе національнаго персидскаго государства.

V.

По Киссе-и-Санджāнъ Парсы, пробывъ въ Ормузѣ пятнадцать лѣтъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны мусульманъ отплыли въ Индію. Намъ остается еще разсмотрѣть тѣ причины, которыя могли побудить ихъ покинуть родину. Прибавляя это число къ году ихъ прибытія въ Ормузь, мы получаемъ 766 г. Нельзя-ли найти въ исторіи ислама какихъ-нибудь указаній на возможные мотивы ихъ рѣшенія, выраженные въ Киссе-и-Санджāнъ, какъ притѣсненіе со стороны иновѣрцевъ?

Къ этому году относится окончаніе постройки города, которому суждено было въ теченіе долгаго времени пользоваться славой міроваго и который, сооруженный по выбору и плану второго и наиболѣе выдающагося аббасидскаго халифа Мансура, былъ предназначенъ сдѣлаться новой столицей халифата — Багдада³⁾. Не останавливался на различныхъ датахъ его

1) Якуби, о. с. II, 547—تدبير—فيها من حدث فيها من تذهب هذه الدولة بما حدث فيها من تدبير—الحجوس.

2) ЗВО, III, 155—6, цитата вѣроятно изъ Ахмеда-ибн-Абӯ-Тāхира, писателя IX в.

3) Gu y Le Strange, Baghdad during the Abbasid Caliphate, 1900, 16; сообщеніе Ибн-Кутейбы, на котораго ссылается Le Strange, подтверждается Якутомъ и Макдисѣ, 121; въ извѣстіяхъ Динаверіи и Балāзуріи также, повидимому, дано это число—у перваго (379) въ датѣ 139 г. X. вслѣдствіе явнаго несоотвѣтствія нужно исправить вторую цифру, вм. ثلثين — اربعين; у втораго (295) число единицъ въ датѣ 147 г. X. также можетъ объясняться опсикой и потому надо читать не سبعة, a تسعة. Ср. еще Табаріи, III, 319 и 353. См. также Enzyklopaedie des Islām, X, 587.

постройки, отмѣчаемъ лишь интересный для нашего вопроса годъ его основанія: 766. Съ городомъ этимъ связывалось предвѣщаніе — по Я'күбї¹⁾, Мансүръ говорилъ, что отецъ его, вышеупомянутый Мухаммедъ-ибнъ-'Алі, предсказалъ, что этотъ городъ будетъ построенъ Мансүромъ и станетъ столицей Аббасидскаго рода. Основавшись окончательно въ своей новой резиденціи въ 766 г., Мансүръ поспѣшилъ замѣнить неприятное для его слуха персидское имя громкимъ арабскимъ названіемъ «Городъ мира» и порвать со всѣми городами Месопотаміи, связанными съ прежними традиціями — Куфой, Амбаромъ и др. Одновременно Багдадъ сдѣлался крупнымъ, обращеннымъ къ морю, торговымъ центромъ, получившимъ первенствующее значеніе вслѣдствіе своего положенія, какъ столица государства²⁾. Это событіе, въ связи со всѣмъ происшедшимъ ранѣе, должно было отразиться на парсійской общинѣ въ Ормузѣ, торговой гавани при выходѣ изъ Персидскаго залива въ Индійскій океанъ. Отзвукомъ этихъ условій можетъ служить, по нашему мнѣнію, средне-персидскій трактатъ о городахъ Ирана и ихъ основателяхъ, который, перечисляя различные, славные своимъ прошлымъ иранскіе города, останавливаясь со вниманіемъ на украшающихъ ихъ сооруженіяхъ, упоминая ихъ основателей — сасанидскихъ шаховъ, въ заключеніе прибавляетъ и «городъ Багдадъ, построенный Абү-Джа'фаромъ, по прозванію Абү-д-давāникъ». Последнее прозвище, означающее «грошевикъ», было дано халифу Мансуру вслѣдствіе крайней его мелочности въ финансовыхъ вопросахъ и придирчивости въ податныхъ поступленіяхъ³⁾. Парсійскій трактатъ не упоминаетъ того почетнаго прозванія, подъ которымъ онъ, главнымъ образомъ, извѣстенъ исторіи, а называетъ лишь его двусмысленное прозвище. Высокое развитіе торговли Багдада и вообще торговый подъемъ халифата, связанные съ именемъ Мансүра, являются извѣстнымъ историческимъ фактомъ. Упомянутіе въ Киссе-и-Сауджāнъ притѣсненій со стороны мусульманъ, какъ мотива для выселенія изъ Ормуза, можетъ быть объяснено также и стѣсненіями условій торговой дѣятельности. Къ религіозному и національному мотиву присоединялся и мотивъ практической. Кроме того, мы имѣемъ и другое указаніе, связанное съ этой датой.

Насколько можно заключать изъ весьма запутанныхъ историческихъ

1) BGA, VII, 287.

2) Макдисї, 120.

3) Изданный и переведенный E. Blochet въ *Recueil de travaux relatifs à la philologie et archéologie égyptienne et assyrienne*, XVII, 165—176.

4) Barbier de Meynard, *Surnoms et sobriquets*, 20—21. Кроме Сүйүтї, указанного этимъ авторомъ, объясненіе прозвища имѣется и у Са'āлиби, о. с. 31; см. также Табарї, III, 277—8.

данныхъ, непосредственно передъ 766 г., а въ своихъ конечныхъ результатахъ, можетъ быть, именно въ этомъ году, войска халифа Мансѹра присоединили къ мусульманскому государству владѣнія испехбедовъ, послѣднихъ представителей непрерывнаго существованія сасанидской государственной традиціи и зороастрійской вѣры¹⁾. Ибн-ал-Факйхъ²⁾ говоритъ, что арабами было конфисковано при этомъ громадное количество драгоценностей (драгоценные камни, вѣнцы, пояса, мечи, усыпанные жемчугомъ, яхонтами и изумрудами), а женское потомство властителей было роздано въ жены ближайшимъ родичамъ халифа въ аббасидской семьѣ. Такимъ образомъ, прекращалась надежда на возвращеніе сѣверныхъ областей Персіи подъ иранское владычество и нельзя было ожидать возникновенія новыхъ персидскихъ владѣльческихъ родовъ въ этихъ мѣстностяхъ; появленіе Бавендидовъ и Кѣренидовъ относится уже ко времени правленія преемниковъ Мансѹра. Сравненіе этого разсказа со словами средне-персидскаго списка городовъ Ирана имѣетъ, думается намъ, значеніе для критики извѣстнаго Киссе-и-Санджѣанъ о выселеніи Парсовъ изъ Ормуза. Самое слово «дѣнякъ» ($\frac{1}{8}$ часть дирхема) есть перс. «дѣнэ», «зерно». Возможно, что это прозвище возникло во враждебной Мансѹру парсійской средѣ.

Наконецъ, мы отмѣтили уже, что за два года до того халифъ Мансѹръ приказалъ принести присягу своему сыну Махдї, какъ его преемнику; это событіе случилось впервые въ Аббасидскомъ халифатѣ и вызвало возстаніе въ Хорасанѣ. Разгаръ этого возстанія относится, повидимому, именно къ 766 г. По этимъ обстоятельствамъ мы можемъ заключать о большихъ волненіяхъ въ этомъ году въ парсійской средѣ.

Дальнѣйшій приливъ переселенцевъ могъ продолжаться безпрепятственно; этимъ переселеніямъ, при существованіи религіозной и торговой общины на сѣверо-западномъ побережьи Индіи, должно было содѣйствовать оживленное культурное общеніе, установившееся послѣ основанія Багдада между мусульманскимъ міромъ и странами южной Азіи.

Въ заключеніе формулируемъ вышеприведенныя соображенія.

1) Киссе-и-Санджѣанъ есть сочиненіе весьма позднее по времени, не имѣющее характера собственно историческаго памятника и основанное, главнымъ образомъ, на устной традиціи; оно не является прямымъ историческимъ источникомъ. Однако, по точности своихъ датъ и по характеру со-

1) Marquart, *Erānšahr*, 127—8 и 132—3.

2) О. с. 314.

общаемаго имъ устнаго преданія и той среды, въ которой это преданіе сохранилось, оно заслуживаетъ вниманія. Переселенія Парсовъ въ Индію происходила какъ раньше, такъ и позже той даты, которую даетъ преданіе, но оно занято исторіей опредѣленной, руководившейся религіозными, національными и торговыми интересами колоніи, покинувшей родину и обосновавшейся въ новой странѣ навсегда; колонія эта имѣетъ тотъ-же характеръ, что современная парсійская община въ Индіи.

2) Подъ Кухистаномъ въ Киссе-и-Санджънъ надо скорѣе всего понимать Кухистанъ Хорасанскій. Область эта, малодоступная по своему гористому характеру, но лежавшая на путяхъ индійской торговли и входившая въ составъ древней Пароиі, одного изъ древнѣйшихъ центровъ государственной традиціи Ирана, граничила съ одной стороны съ густо населеннымъ иранцами Хорасаномъ, а съ другой стороны, до самаго Персидскаго залива, съ горными мѣстностями Кермана, населенными дикимъ, воинственнымъ, кочевымъ и полукочевымъ населеніемъ, въ религіозномъ отношеніи либо придерживавшимся зороастризма, либо подъ формой ислама пропитаннымъ парсійскими идеями, а въ политическомъ—враждебнымъ халифату. Черезъ нихъ была открыта дорога къ торговому порту Ормузу; условія жизни въ немъ купцовъ X в. соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилась парсійская община по переселеніи своемъ въ этотъ городъ.

3) Существуютъ несомнѣнные указанія, что съ истеченіемъ столѣтія мусульманской эры связывались эсхатологическія ожиданія; указанія на эти ожиданія исходили изъ аббасидской среды ко времени начала пропаганды ихъ партіи съ цѣлью низверженія Омайядскаго халифата. Толкованія, даваемые мусульманскими писателями для объясненія прозвища Омайядскаго халифа Марвѣана, не удовлетворительны; кромѣ хронологическаго несоотвѣтствія со столѣтіемъ Омайядской династіи, оно не имѣетъ лестнаго значенія. Столѣтіе Хиджры, завершившееся до наступленія управленія Марвѣана, не представляетъ собою яснаго объясненія его прозвища. Упомянутое легендарно знаменующаго апофеозъ персидскаго государства и по шиитскимъ вѣрованіямъ появляющагося изъ скрытаго существованія по истеченіи столѣтія пророка Эдры въ связи съ убійствомъ въ Мервѣ шаха Іездегерда и начавшимся тамъ-же черезъ сто лѣтъ возстаніемъ Аббасидовъ даетъ указаніе на опредѣленную эпоху—время паденія сасанидскаго государства; это обстоятельство хронологически имѣетъ значеніе для вопроса о возникновеніи шиитства.

4) Въ древнемъ иранскомъ преданіи мы встрѣчаемъ мифическій образъ осла, относимый къ Каспійскому морю. Предположеніе объ олицетвореніи

въ этомъ образѣ смерча и бури подтверждается возводимой къ персидскимъ источникамъ легендой о построеніи Дербендской стѣны и объясненіями къ этой легендѣ въ арабской литературѣ. Въ переносномъ значеніи буря и смерчъ означали переворотъ. Отраженіе связанныхъ съ этимъ образомъ событій исторія ислама въ половинѣ VIII в. по Р. Х. мы можемъ усматривать въ разсказѣ позднѣйшей парсійской космологіи.

5) Легенда и представленія объ этомъ мифическомъ образѣ возводятся въ арабской литературѣ къ аббасидской средѣ, изъ которой выходили и ожиданія эсхатологическаго содержанія, связанныя съ окончаніемъ столѣтій; и эти представленія, и эти ожиданія стоятъ въ свою очередь въ связи съ носящей предвѣщательный характеръ книгой о судьбахъ Аббасидскаго рода. Этотъ образъ сталъ въ аббасидской пропагандѣ лозунгомъ переворота, ведшаго къ новой эрѣ, каковыми словами обозначали Аббасиды свой халифатъ. Этотъ лозунгъ въ такой формѣ воздѣйствовалъ на иранскіе этническіе и религіозные элементы.

6) Существованіе мифическаго образа и связанныхъ съ нимъ представленій можетъ быть подтверждаемо изображеніемъ этого фантастическаго животнаго на серебряной чашѣ сасанидскаго стиля, близкомъ по времени къ упоминаемой эпохѣ археологическомъ памятникѣ.

7) Передъ окончаніемъ столѣтія со времени смерти послѣдняго сасанидскаго шаха Іездегерда по лунному календарю, аббасидскіе эмиссары открыто выступили въ Хорасанѣ противъ Омайядскаго халифата, а въ годовщину его овладѣли Хорасаномъ; по истеченіи столѣтія со времени этого событія по солнечному календарю родъ Омайядовъ былъ истребленъ и Аббасиды явились властителями халифата. Въ зависимости какъ отъ этой датировки, такъ и отъ переноснаго значенія слова получается объясненіе для прозвища халифа Марвѣана. Такое толкованіе прозвища и датировка, т. е. связанное съ нимъ истеченіе столѣтія, подтверждается позднѣйшей исторіей ислама. Среди не-мусульманскаго, огнепоклонническаго населенія Персіи окончаніе столѣтія вызвало безъ отношенія къ мусульманскому преданію противумусульманское и противуарабское движеніе.

8) Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Іездегерда парсійская община, по Киссе-и-Санджѣнъ, переселилась въ Ормузъ; событіе это должно быть поставлено въ соотношеніе съ глубочайшими потрясеніями, происшедшими въ это время въ мусульманскомъ мірѣ при переходѣ халифата къ Аббасидамъ и съ эсхатологическими ожиданіями. Сказаніе о снѣ Іездегерда можно сопоставить, согласно сообщенію Киссе-и-Санджѣнъ, съ выселеніемъ парсійской общины въ Индію, а въ мусульманской средѣ съ убіеніемъ Абү-

Муслима. По утверждениі аббасидскаго халифата надежды иранскихъ этническихъ и религіозныхъ элементовъ были поколеблены и самое понятіе «новая эра» отдѣлилось отъ подготовлявшаго ее девиза и вѣры Зороастра. По хронологическимъ даннымъ мотивами окончательнаго рѣшенія парсійской общины переселиться въ Индію могли быть: принесеніе при жизни халифа Мансѹра присяги сыну его Махдї, вызвавшее сильное иранское движеніе съ характеромъ мессіанизма въ Хорасанѣ; завоеваніе тѣмъ-же халифомъ послѣднихъ самостоятельныхъ владѣній въ сѣверной Персіи; основаніе имъ-же Багдада.

Н. Иностранцевъ.